

Сергей
Зверев

ЖИГАН

ПРОТИВ БАНДЫ

ЭКСМО

Сергей Иванович Зверев

Жиган против банды

Серия «Жиган», книга 13

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183854
Жиган против банды: Эксмо; Москва; 2002
ISBN 5-699-00082-8*

Аннотация

Одинокий волк Костя Панфилов по кличке Жиган – свободный охотник. Но теперь особый случай: генерал ФСБ предлагает ему «крышу» ради общей цели – необъявленной войны с криминалом. Тут и секретное задание подоспело. У известного военачальника из Минобороны похитили дочь. Взамен похитители, именующие себя «ангелами справедливости», требуют огромный кредит из фондов министерства. В одиночку Костя отправляется в логово бандитов. А ребята эти непростые. Живут в лесной глуши, курят травку и молятся до одурения то ли богу, то ли черту. И при этом неплохо владеют оружием. Есть у них и свой пророк и учитель, именующий себя отцом Василием. Словом, теплая компания. Только Жигану не привыкать ходить по лезвию ножа. Так же как и пускать кровь всякой нечисти.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	18
Глава 2	32
Глава 3	64
Глава 4	84
Глава 5	109
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Сергей Зверев

Жиган против банды

Пролог

Хрупкая девушка-метрлотель терпеливо дождалась, пока посетители ресторана на Зацепском валу расположатся в глубине зала за приглянувшимся им столиком, затем положила на него запаянные в пластик меню и карту спиртных напитков.

– Цены указаны в условных единицах. Наш курс сегодня – двадцать девять и пять. Оплата в рублях – наличными или кредитной карточкой. Приятного вам аппетита. Желаю приятно отдохнуть.

Выдав свою дежурную фразу и заученно-вежливо улыбнувшись, она упорхнула к стойке бара напротив входной двери.

Светильники в виде старинных уличных фонарей рассеивали мягкий свет, а массивные декоративные керамические тарелки на стенах были подобраны в тон терракотовой плитке, устлавшей пол. По залу деловито сновали молоденькие официанты, смуглая малышка за соседним столиком шумно радовалась только что полученному воздушному шариком, а под арочными сводами темно-красного кирпича звучала по-

пулярная мелодия Эннио Морриконе из кинофильма «Профессионал».

– Ну и как вам здесь нравится, Константин Петрович? – на правах приглашающей стороны спросил человек предпенсионного возраста. В его манере говорить и держаться чувствовалась военная строгость, привычка отдавать распоряжения, но вместе с тем тактичность и интеллигентность.

– Нравится что? Интерьер, мебель или музыка?

– Все в комплексе.

– Да так себе... Еврооборудование, внешний лоск... Ресторан итальянский, а пепельницы на столах с символикой «Мальборо». А названия блюд? «Пенне ин Сальса Пепперони» звучит, может быть, и красиво, а на самом деле – просто макароны с перцем. Да и готовят небось в основном из полуфабрикатов?

– В таком случае еще не поздно подняться и уйти, поискать трактир в стиле а-ля рюс.

– Какой-какой?

– «Балалайка», «Хмельная чарка», «Елки-палки» или «Печки-лавочки».

– Это тоже места для профессиональных оперативных встреч?

– Вы ведь вроде и сами профессионал в этом деле...

– В каком деле? – недоуменно взглянул на собеседника мужчина лет сорока.

– Ну, в ресторанно-гостиничном, если хотите. Вы ведь ко-

гда-то содержали в родном Запрудном ресторан «Луна», открыли, если не ошибаюсь, даже казино – «Золотой талер».

– «Золотой дукат». И это вы, Валерий Андреевич, тоже знаете?

– Знаю, Константин Петрович, что у вас в ресторане готовились едва ли не лучшие во всей России телячьи отбивные. Знаю о вас столько, что порой кажется – куда больше, чем о себе самом. Знаю о родителях, об учебе в школе, о службе в армейском спецназе, об Афгане. Знаю и о том, что, желая выручить своего младшего брата, вы угнали «Жигули» и сели за это в тюрьму. Знаю, что на зоне заработали уважение и получили лихую кличку, или, как там у вас было принято говорить, погоняло Жиган. И что в бизнесе фамилия Панфилов, как и прозвище Жиган, произносилась с должным пиететом. Вы и там покрутились немало. И не только покрутились, но и повоевали, не так ли?

– А что было делать, когда азеры так и норовили урвать заработанное мной и моей командой?

– И тем не менее вам пришлось покинуть подмосковный городок и проехаться в Дагестан, отметить там со своими ребятами.

– Я отомстил братьям Матукаевым за смерть брата.

– Ну, к Игнату мы еще вернемся, – уклончиво сказал Валерий Андреевич и, словно вспомнив о чем-то, спросил: – Но вы ведь не раз возвращались в свой родной Запрудный?

– Было дело.

– Мне, по крайней мере, хорошо известен один эпизод. С городским рынком.

– А-а, наверное, прочитали рапорт майора Тихонова. Или его настоящая фамилия все-таки Шевчук? А может быть, он уже в полковниках ФСБ ходит?

– Я догадываюсь, что Шевчук не проявил чудес храбрости и вам практически в одиночку пришлось спасать город, а точнее, городской рынок от взрыва, подготовленного террористами.

– Опергруппа подоспела вовремя...

– Ну, не скромничайте, Константин Петрович, не скромничайте. Никакая опергруппа не способна была в свое время заставить трястись от страха столичных авторитетов, никакая опергруппа не смогла бы заставить панически бежать за границу всемогущего, как тогда казалось, олигарха Белоцерковского!

В этот момент к столику приблизился официант, склонился в вежливом полупоклоне и, предупредительно кашлянув, осведомился: готовы ли гости сделать заказ?

Константин Петрович с готовностью схватил спасительное меню, но, бегло пробежав глазами по колонкам, крикнул, словно ильфо-петровский Ипполит Матвеевич:

– Однако!

Валерий Андреевич подтянул к себе пирамидку стационарного меню, затем мельком взглянул на прямоугольничек визитки на темно-зеленом жилете официанта и с видом за-

всегда заговорил:

– Михаил, мы хотели бы два «Максима Ланча». Принесите сперва чего-нибудь холодненького, скажем, грейпфрутовый сок со льдом и спрайт. Салатики у вас как обычно – с тунцом, оливье и греческий, а супы – из морепродуктов и спаржевый?

Получив утвердительный ответ, он обратился к собеседнику:

– Константин Петрович, вы что предпочитаете?

– На ваше усмотрение, Валерий Андреевич. Вы ведь утверждали, что знаете меня, а значит, и мои гастрономические предпочтения, лучше, чем самого себя, не так ли?

Валерий Андреевич и ухом не повел в ответ на эту колкость и невозмутимо сделал заказ:

– Значит, так, Михаил. Константину Петровичу принесите салат с тунцом, суп из морепродуктов и жареную форель с картошечкой, не пиццу же в самом деле? А мне – греческий салат, но без лука, суп-пюре из спаржи и свиную отбивную с тушеными овощами. Не помешает, пожалуй, кетчуп и соус «Табаско – грин пепэ». Хлеб, пожалуйста, с кунжутом и еще черный, бородинский. Ну и, разумеется, кофе. В конце обеда. Кажется, ничего не упустил?

– Желаете что-нибудь из спиртного? – осторожно напомнил официант.

– Ах, да! Пиво «Мерфис» красное или рюмочку водки, Константин Петрович?

– Благодарю, но мне сегодня нужна будет совершенно трезвая, светлая голова.

– Разумеется, – кивнул Валерий Андреевич и жестом руки отпустил официанта, сделавшего быстрые пометки в миниатюрном блокнотике.

Обедали молча, лишь изредка обменивались малозначительными замечаниями по поводу итальянской кухни. Когда был подан кофе и оплачен счет, включая разумные чаевые, Жиган взял инициативу на себя:

– Благодарю вас за обед, генерал, но вы ведь не для этого пригласили меня сюда?

– Разумеется, обед только повод для встречи.

– Тогда перейдем к делу?

– Я надеюсь, Константин Петрович, что вы успели обдумать мое предложение.

– Времени вы дали немного.

– Я надеюсь, тем не менее, что ваш ответ будет положительным.

– Отношения у меня с вашей «конторой», мягко говоря, не очень-то складывались. Это была игра в одни ворота, а если точнее, вы меня либо использовали, либо обкладывали флажками как серого хищника.

– Давайте расставим точки над «i». «Контора» наша, как вы выразились, довольно большая. Да и люди работают в ней разные. Одних уж нет, а те далече. Все материалы, касающиеся вас, находятся в нашем подразделении, а точнее – у меня.

Знать о вас отныне будут только двое – мой заместитель и я.

– Это напоминает мне игру в злого и доброго следователя. Злого отстранили, и пришел добрый. Поговорил за жизнь, предложил чайку и сигаретку...

– Напрасно вы так, Константин Петрович. Вы мне глубоко симпатичны, и я совершенно искренне предлагаю вам сотрудничество.

– Не подумайте, что набиваю себе цену, но любопытно, чем это я вам так глянулся?

– В вас есть жизненная сила и абсолютная жажда справедливости. Вам не привыкать смотреть в вороненый зрачок ствола или видеть хищный блеск ножа. Вы умеете сломать хребет противнику, перетерпеть боль, найти силы для новой схватки.

– Просто русский Рэмбо! Чего же я, по-вашему, не умею?

– Изменять самому себе.

– Гм, пожалуй, – Константин Панфилов ненадолго задумался, словно оценивая прожитые годы, а затем продолжил разговор: – Ну, со мной все понятно: я – волк-одиночка, но вы ведь играете в команде. Чему не изменяете вы, генерал?

– Я государственный, если хотите, – державник по убеждениям.

– И, конечно же, вас радуют изменения, которые происходят в стране с приходом нового президента?

– Несомненно. Страну рано или поздно должен был возглавить молодой и энергичный лидер...

– Особенно лидер, прошедший такую славную школу. Может быть, вы служили вместе с ним в Германии или в Питере?

– Это не имеет отношения к предмету сегодняшнего разговора. Но когда-нибудь я расскажу вам подробнее и о себе, и о своей службе. В пределах дозволенного, конечно.

– И все же, хотя бы в нескольких словах. Я ведь должен представлять, за какую команду вы предлагаете мне играть, – сказал Панфилов и, видя некоторую нерешительность собеседника, добавил: – Вы ничем не рискуете, генерал, – я умею держать язык за зубами.

– Пожалуй, вы правы, Константин Петрович. – Генерал знаком попросил официанта принести еще кофе, который подавался в этом заведении без ограничений, и принялся рассказывать: – Готов биться об заклад, что вам не раз доводилось проходить мимо одного из старинных особняков песочного цвета, что на Пречистенке. Когда-то в нем давали балы князя Всеволожские и московские красавицы одаривали благосклонными взглядами и улыбками лихих гусар. Но князя прокутили этот особняк, и спустя десятилетия он превратился сначала в штаб Московского военного округа – сперва царской армии, а затем уж Красной и Советской. У того здания нет известности, скажем, Лубянки, но сей факт совершенно не огорчает тамошних обитателей, потому что известность и слава в их работе – дело совершенно излишнее. В том здании, Константин Петрович, уже прак-

тически полстолетия размещается одно из самых секретных подразделений контрразведки. Одно время оно именовалось СМЕРШем, затем – особыми отделами.

– А сейчас?

– Сейчас это – Управление ФСБ по Московскому военному округу.

– Военная контрразведка? – присвистнул Панфилов.

– Совершенно верно. Это своего рода государство в государстве. Поверьте, даже внутри самой ФСБ совсем немногие могут похвастаться осведомленностью о нашей работе, то есть о работе особистов. Но вам я признаюсь, что занимаю там один кабинет, и кабинет этот, прямо скажем, исторический. Сидели в нем в свое время и Климент Ворошилов, и Георгий Жуков, и Семен Буденный, и даже Василий Сталин, когда командовал столичным округом Военно-Воздушных Сил...

– Интересный список. А сейчас там сидит...

– Фалунчук Валерий Андреевич. Генерал-лейтенант, пятидесяти семи лет от роду. Военный топограф по первой специальности.

«Теперь понятно, откуда эта обходительность и интеллигентность», – подумал Панфилов, а Фалунчук между тем продолжал:

– В военной контрразведке служу больше тридцати лет, а начинал когда-то оперуполномоченным, а теперь на должности начальника управления. Поверьте, Константин Петро-

вич, деятельность наша – это своего рода наука. Поэтому особо ценятся у нас не мускульная сила, а интеллект. И чем выше положение сотрудника или агента, тем большие перспективы открываются перед ним.

– Какие же перспективы открываются передо мною? Боюсь, что на тридцать лет меня не хватит, – грустно улыбнулся Панфилов. – Военское звание, как вам, наверное, известно, у меня невысокое. Кем я к вам поступаю, агентом или сексотом?

– Аббревиатура «сексот», к сожалению, обрела некий негативный оттенок, хотя первоначально значила не что иное, как секретный сотрудник. А без секретности, сами понимаете, нашим сотрудникам ну никак нельзя. Этого требуют наши цели и задачи.

– Какие же?

– Защита конституционного строя, борьба с разведывательной и подрывной деятельностью зарубежных спецслужб. Противодействие незаконному обороту оружия и наркотических средств. Борьба с террористами и незаконными вооруженными формированиями... Может быть, все это несколько пафосно или казенно прозвучит, но для решения наших целей и задач порой недостает таких людей, как вы, Константин Петрович. Скажу без обиняков, вы сегодня нужны нашему управлению, нужны государству. А государство оценит вас.

– Как сказали бы мои давние друзья, я буду работать под

государственной «крышей»?

– В любом случае это лучше, чем ходить в телохранителях у какого-нибудь олигарха. Кстати, вы, наверное, заметили, что даже само это слово выходит из моды? Так вот, я предлагаю вам роль или должность вольного стрелка, вольного художника, если угодно.

– Переведите.

– Это значит, что вы вправе выполнять только ту работу, которая не противоречит вашим принципам и убеждениям.

– Любопытно, – произнес Панфилов, вытащил пачку «Кэмела» и прикурил сигарету. – И что же еще предполагается для вольного художника?

– Определенное финансовое довольствие, ну и, разумеется, конспиративная квартира в мансарде – «мастерская»...

– Что, освободилась после какого-нибудь Слепого, Святого или Шерхана?

– Какого Святого? – не понял Фалунчук.

– Да вот ехал я недавно поездом из Минска, так прихватил с собой в дорогу книжонку в мягкой обложке. Ну, знаете, из тех, что прочитал – и не жалко оставить в купе, а то и в мусор швырнуть. Так вот там главный герой, суперагент носил погоняло то ли Седой, то ли еще что-то на С... Но не в этом дело. Мне кажется, генерал, что вы чего-то недоговариваете. Доставайте из рукава карту.

– Какую карту?

– Да не топографическую, конечно. Доставайте тот ко-

зырь, с помощью которого вы предполагали, будем называть вещи своими именами, завербовать меня, заставить работать на свое управление.

Генерал Фалунчук насыпал сахару в свой дымящийся «эспрессо» и стал помешивать его.

– То, что я сейчас скажу, может показаться вам, Константин Петрович, невероятным и неправдоподобным.

– Ну, меня довольно трудно чем-нибудь удивить.

– И тем не менее. В одном из южных регионов нашей страны в поле зрения наших служб попал человек, который с весьма большой степенью вероятности может оказаться вашим младшим братом.

– Что?! Игнат жив?

Панфилов воскликнул это настолько громко, что сидящие за соседними столиками невольно обернулись.

– Но этого не может быть! – проговорил он тише. – Его сожгли в Пушкине, в котельной особняка проклятого отморозка Лабунова. Мне сказал про это урод-истопник. Да и сам я видел в топке обгоревшие кости бедного Игната и его подруги.

– Но трупов-то вы не видели, – мягко возразил ему Фалунчук. – А кости, кости могли оказаться чьими угодно, например, одного из лабуновцев. Вы же помните, как нещадно расправлялся главарь банды, той расстрельной команды, со своими «быками» за малейшее непослушание или провинность. И как можно верить бредням алкаша-истопника?

– И все же... Столько времени прошло. Почему он не подал весточки?

– Во-первых, вы, Константин Петрович, не сидели на месте. Меняли не только адреса, но документы и род занятий. Даже пластическую операцию сделали. Столкнись вы с братом где-нибудь на улице, и неизвестно, признал бы он вас или нет. А во-вторых, из чеченского плена не очень-то и сообщишь о себе...

– Так Игнат в плену? Его что же, переправили на Кавказ люди Лабунова?

– Скорее люди братьев Матукаевых. По крайней мере так утверждает одна небезызвестная вам особа по имени Лариса Быстрицкая. Она в свое время готовила на перерегистрацию учредительные документы компании «ТВ-город», в которой у вас были немалые интересы и которую намеревались отнять у вас братья-дагестанцы.

– Да, припоминаю, хотя я видел ее всего пару раз, и то мельком. Но по отношению к ней у Игната были, по-моему, самые серьезные намерения.

– Вы даже не представляете себе, насколько вы близки к истине. – Генерал едва заметно, лишь краешками губ улыбнулся в свои прокуренные усы и продолжил: – Во время переправки на Кавказ Игнат помог Ларисе бежать.

– Я могу ее увидеть?

– Почему бы и нет? Она живет в Москве, растит чудесного шестилетнего мальчугана – вашего племянника. Он даже

назван в вашу честь Константином...

– Что ж вы молчали, почему сразу-то не сказали? – спросил Панфилов после минутного замешательства.

– Всеу свое время, Константин Петрович. Время разбрасывать и время собирать камни, время работать и время отдыхать... Кстати, на послезавтра забронированы авиабилеты в Швейцарию для вас, Ларисы и Кости.

– Погодите, в какую Швейцарию?

– В самую обыкновенную, горную. Отдохнете, Константин Петрович, погуляете у знаменитых озер, а заодно и подучитесь, почитаете наши бумаги, – мягким, но не терпящим возражения тоном сказал генерал и положил на столик прямоугольничек визитки. – Это координаты моего заместителя. От него – все инструкции, детали и подробности. А о главном, я уверен, мы уже договорились...

Глава 1

В последние полгода не только его финансовые дела, но и весь выстроенный путем невероятных усилий бизнес оставляли желать лучшего.

Поначалу Виталий Джавадов считал, что это временные трудности. Бизнес, он и есть бизнес, – нечто среднее между войной и спортом, занятие не для слабых, и выживают в нем сильнейшие. В бизнесе взлеты, как правило, чередуются с падениями, но в конечном итоге все рано или поздно стабилизируется. Главное, считал Джавадов, как следует поднапрячься, с головой окунуться в работу, и твои труды будут вознаграждены по заслугам. Такое с ним случалось и раньше, но всегда, тьфу-тьфу-тьфу, обходилось благодаря его колоссальным усилиям, зверской работоспособности и умению трезво оценивать ситуацию. Джавадов любил и умел рисковать и почти всегда выигрывал. Но в последние шесть месяцев удача вдруг изменила ему.

«Может, пора уйти на покой?.. А может, и не стоит пороть горячку, а переждать этот неблагоприятный период? Отсидеться где-нибудь на Мальдивах или на Канарах, а то и просто на даче на Рублевке?» Эти мысли приходили ему в голову все чаще и чаще, и только природное упрямство мешало смириться с накатывающимся, словно альфальтовый каток, поражением.

На рынок цветных металлов, где Джавадов по праву главенствовал уже шесть лет, выбились горластые мордовороты нового поколения, для которых не существовало никаких общепринятых правил. Они не считались с авторитетами, и их главным девизом было иезуитское крылатое выражение: «Цель оправдывает средства». Он называл их «волками», но от этого не чувствовал себя лучше. Для того чтобы победить конкурентов, ему был необходим огромный кредит на покупку акций никелевого комбината. Этот кредит он мог довольно свободно получить в любом банке, благо репутация позволяла, но в конце концов пришлось бы платить по счетам. А Виталий Джавадов не хотел платить по счетам, потому что ему надоело работать на государство, надоело подпитывать конкурентов. Он сам любил охотиться по профессиональному признаку – на деньги. Любил выжидать, сидеть в засаде, ждать, пока конкурент созреет, чтобы сделать его зависимым партнером, взять «под крыло». А государство, пусть и усилившееся в последние годы, пусть и поставившее на место прессу – это, как бездонная бочка: сколько ни давай, все равно мало.

Прекрасно понимая, что это противозаконно, он все же связался с нужными людьми и попросил о встрече. К этому времени у него уже созрел план, каким способом добыть деньги, где получить этот жизненно важный кредит. Джавадов осознавал, что ему придется отстегнуть приличный кусок за сотрудничество, но это его особенно не волновало. Он

не представлял своей жизни без этого бизнеса. Работа на износ доставляла удовольствие, ему нравилось зарабатывать и вновь вкладывать деньги.

Встреча должна была состояться на его даче, а точнее – в загородном доме на Истринском водохранилище в районе Куйбышевского гидроузла. Виталий Джавадов приехал туда за два часа до назначенного времени, чтобы отпустить лишнюю прислугу и в тишине поразмышлять над своими смелыми проектами.

Плеснул в высокий стакан своего любимого джина «Сиграмс», на треть разбавил его тоником «Швепс». Полюбовался, как весело запрыгали в стакане пузырьки голубоватого напитка, сделал крупный глоток «для прочистки мозгов» и принялся мерить шагами огромный холл.

Этот загородный дом был его гордостью, еще одним доказательством собственного превосходства над остальными смертными.

Уже за несколько километров до поселка, который населяли не менее значимые персоны, случайно заехавшему сюда человеку становилось понятно: нежатся ли в данный момент хозяева жизни на солнышке или считают свои денежки в столице. Вооруженная охрана контролировала дорогу от самого Ново-Иерусалимского монастыря и по рациям передавала номера машин, приближавшихся со спецпропусками к водохранилищу. Истра радовала самой чистой в Подмосковье водой, рыбалкой, катанием на яхте и на водном мото-

цикле.

Дом из бруса, обложенный кирпичом, выделялся даже в этом элитарном поселке на знаменитой Рублевке – сорокаметровый холл, три спальни, два санузла, гараж на две машины, сауна и русская баня, бильярдная комната и тренажерный зал.

Джавадов пригласил самого модного в столице дизайнера, который отделал дом в соответствии с лучшими европейскими стандартами. Затем дом обнесли высоким каменным забором, окружили живой изгородью из туи, установили всякие мудреные электронные прибабасы, которые лучше всякого сторожа реагировали на незваных гостей. Постоянную прислугу, которая согласилась бы жить в коттедже и зимой и летом, удалось найти довольно быстро – желающих подзаработать было пруд пруди. К тому же люди эти были не с улицы – пришли они по рекомендации давней подруги жены Джавадова Илоны, а приняты были после более чем основательной проверки.

Виталий Джавадов чаще всего приезжал сюда один, без жены и детей, чтобы отдохнуть от столичной суеты и насладиться полузабытыми ароматами соснового бора. Здесь он проводил самые важные переговоры, в этих стенах у него рождались самые гениальные идеи, и, наверное, пойдя на поводу у собственного суеверия, он назначил эту архиважную встречу именно на даче.

Около десяти вечера к воротам мягко подкатил «шести-

сотый» «Мерседес». Джавадов не услышал шума мотора, так как был занят своими мыслями. О том, что к даче подъехал автомобиль с оговоренными заранее номерами, ему сообщил по телефону охранник и, получив от хозяина «добро», пропустил долгожданного гостя на территорию.

Виталий все же здорово заволновался, когда скрипнула дверь и порог холла переступил высокий импозантный брюнет с черными густыми бровями и пронзительно-голубыми глазами. На его узком лице сияла самая искренняя улыбка, которая могла ввести в заблуждение кого угодно, но только не хозяина дачи.

Прежде чем обратиться к этому человеку, Джавадов попытался разузнать о нем все. Еще год назад он бы даже близко не подпустил сегодняшнего гостя к своим владениям, но теперь сложилась весьма пикантная ситуация, из которой без его помощи явно не выпутаться. Эти двое знали о существовании друг друга, были визуально знакомы, но впервые встретились в такой интимной атмосфере, как говорится, тет-а-тет, только сегодня. В холле, кроме них, никого не было, и в случае провала плана никто бы не смог подтвердить, что существовал некий заговор против государства.

Впрочем, это вряд ли можно было назвать заговором...

– Добрый вечер, – мягким, бархатным голосом поздоровался гость. – Я оставил своих бойцов по ту сторону двери... Надеюсь, с ними ничего не случится?

– На моей территории вам ничего не угрожает, – заверил

хозяин и царственным жестом указал на мягкое кресло. – Проходите, присаживайтесь. – Затем он повернулся к столику, уставленному всевозможными напитками. – Джин, виски, водка?

– Спасибо, я не пью.

– А я себе налью, пожалуй.

Джавадов почувствовал, что начать предстоящий разговор труднее, чем он предполагал. Еще несколько минут назад ему казалось, что его план прост и удачен, но теперь засомневался, под силу ли простому смертному осуществить задуманное. Перед ним, вальяжно развалясь в кресле, сидел отнюдь не простой смертный. Перед ним, приветливо улыбаясь, сидел человек, у которого, так же как и у него, практически не бывало проигрышей.

«Из нас может получиться неплохой тандем, – подумал Джавадов, и эта мысль придала ему уверенности. – Союз ума, силы и власти должен принести дивиденды. Глупо не использовать такой шанс. Тем более что он может быть последним».

– Кажется, я догадываюсь, для чего вы пригласили меня сюда, – нарушил тягостное молчание гость. – И вы не первый, кто обращается ко мне с подобной просьбой... Неужели у меня настолько хреновая репутация? Неужели вы уверены, что меня можно купить?

Начало разговора хозяину не понравилось, но он был уже не в силах повернуть время вспять.

– Все в этом мире продается и покупается, – философски заметил он. – Да, мне потребуется ваша помощь, и я готов заплатить определенную сумму, если вы согласитесь со мной сотрудничать.

– Неужели у такого известного бизнесмена неприятности? – В голосе гостя послышался сарказм.

– У вас также, по-моему, не все в порядке, – парировал хозяин. – Иначе бы вы не приехали сюда.

Его собеседник рассмеялся. Казалось, его уличили в чем-то гадком и постыдном, но он отнюдь не переживает по этому поводу. Наоборот, гордится своими недостатками и слабостями.

– Ну, деньги никому не помешают. Они не бывают лишними. – В его голосе вновь появились барские нотки. – Интуиция подсказывает мне, что мы сработаемся. Это будет союз двух негодяев, достойных друг друга... Надеюсь, вы не обижаетесь, что я назвал вас негодяем? Считайте это комплиментом.

– Давайте лучше поговорим о деле. О нашем общем деле, – Джавадов посмотрел прямо в глаза собеседнику. – Возможно, мое предложение покажется вам абсурдным, и тогда вы можете отказаться со мной сотрудничать. В моем плане есть слабые и сильные стороны, возможно, потребуется некоторая корректировка. Для этого я и пригласил вас сюда. Хочу предупредить сразу – вам придется здорово рисковать. Но если мы победим, то все моральные и иные затраты будут

возмещены с лихвой.

Улыбка на губах гостя чуть поугасла. Стараясь не замечать этого, Джавадов продолжил:

– Как и вам, мне нужны большие деньги. Возможно, это звучит парадоксально, но мой бизнес трещит по швам. Видите, я с вами совершенно откровенен.

– От этого мне не становится легче, – буркнул собеседник.

– Весьма весомый кредит – вот решение всех наших проблем, – как ни в чем не бывало сообщил хозяин. – Я знаю, что финансовые трудности возникли не только у меня.

В глазах гостя появились недобрые огоньки, но он предусмотрительно промолчал.

– Я собираюсь достать этот кредит из государственной казны с вашей помощью. Естественно, после окончания операции вам будет причитаться приличная сумма, и тогда вы станете очень обеспеченным человеком. Возможно, вам больше не придется заниматься противозаконной деятельностью.

– Погодите, – перебил гость, – вам не кажется, что вы обратились не по адресу? Я не занимаюсь ограблениями банков. И вам это прекрасно известно. Знаете ли, должность не позволяет мне пасть так низко...

Хозяин сделал вид, что пропустил мимо ушей высказывание своего гостя.

– Этот кредит я хочу получить на законном основании, естественно, на самых выгодных условиях. Все документы

будут оформлены так, что ни одна прокуратура не подкопается. Во всяком случае, ко мне, а уж тем более к вам у прокуроров и налоговых полицейских не будет никаких претензий.

На какое-то время в холле воцарилось молчание.

– И кто же выдаст вам такой кредит? – наконец прервал паузу гость.

– Начальник отдела управления финансами Министерства обороны генерал Игорь Петрович Клебаничев.

Не успел Джавадов договорить фразу до конца, как его гость громко расхохотался. Казалось, он сейчас лопнет от смеха – настолько искренней и непосредственной была его реакция. Хозяин, словно терпеливый родитель, ждал, пока собеседник разрядит свои эмоции. Его круглое лицо не выражало никаких эмоций, лишь в глазах иногда мелькало нечто похожее на презрение. К счастью, гость был настолько занят собственными реакциями и эмоциями, что ничего не заметил.

– Генерал Клебаничев не выдаст вам кредит, – закончив смеяться, уверенно заявил он. – Неужели у вас не нашлось более подходящей кандидатуры? В министерстве полно людей, склонных к подобным авантюрам. Честно говоря, я даже не представляю, как предложить ему это? Генерал слишком честен и прямолинеен для подобных операций. Чего доброго, пошлет меня подальше, а может и кулаком между глаз задвинуть.

– Именно поэтому я и решил обратиться именно к Клебаничеву. Нет, не потому, что он не в состоянии контролировать свои эмоции. В вашем понимании, как и у всех остальных, существует некий стереотип поведения генерала. Даже вы не можете себе представить, что он согласится на грязную сделку. На этом я и собираюсь сыграть. Клебаничев на хорошем счету у начальства, и, если он выдаст нам кредит, мы сможем доить его еще долгие годы. К тому же только у него есть реальная возможность распоряжаться государственными финансами. Весьма ощутимыми финансами.

Впервые за время разговора на лице гостя промелькнула заинтересованность.

– Ваша идея не столь глупа, как показалось мне с первого взгляда. Играть с генералом Клебаничевым в одной команде я бы не отказался. Но как найти к нему подход?

– У него, как и у каждого нормального человека, имеются свои слабые стороны. К тому же я не требую от вас немедленного исполнения. В таких делах спешка может только навредить. Подумайте, пощупайте его хорошенько, у нас в запасе есть несколько месяцев. А за это время вы должны оказать мне еще несколько менее сложных услуг. Так сказать, подготовить почву для решающего удара.

Гость задумчиво потер гладко выбритый подбородок.

– Вам не кажется, что вы требуете от меня слишком многого?

– Речь идет о реальной возможности хорошо заработать.

Разве вам помешают деньги на мелкие расходы, – на мгновение Джавадов задумался, – скажем... пятьдесят тысяч долларов? И если в случае с генералом вы получите свою долю только после окончания операции с кредитом, то эти пятьдесят тысяч могут оказаться у вас прямо сейчас.

Собеседник сухо и нервно рассмеялся. На этот раз в его бархатном голосе не чувствовалось обычной жизнерадостности и уверенности в себе.

– И что же я должен сделать?

– Для начала – ликвидировать двух бизнесменов. Но с одним непременным условием – их смерть не должна вызвать общественного резонанса. Эти люди должны погибнуть совершенно случайно. Не надо метких выстрелов снайперов. Никаких взрывных устройств и прочей чепухи, какую обычно используют киллеры. Нужны автокатастрофа, несчастный случай, самоубийство, в конце концов, – только так, а не иначе. Ну, не мне вас учить. Вы, наверное, на этом деле собаку съели. Ко всему прочему, неплохо бы взорвать парочку промышленных заводиков. Или устроить диверсию на железной дороге. Или в метро... Короче, чем больше шума, тем лучше. Но мне не хотелось бы, чтобы эти взрывы общественность связывала с чеченской мафией.

– Почему?

– Назрел момент, когда на преступный Олимп России должна вознестись новая отечественная группировка. Придумайте какое-нибудь эффектное название, найдите подхо-

дящих людей.

Гость нахмурился и принялся напряженно рассматривать содержимое своего бокала.

– Честно говоря, идея с генералом мне нравится гораздо больше, – признался он. – Риск минимальный, а прибыль... Над вашим предложением, конечно, придется хорошенько помозговать, но у меня, кажется, наклеиваются кое-какие наметки. Странно, но иногда мне кажется, что вы высказываете вслух мои мысли. Я давно мечтал о создании аналога «АУМ Сенрике». Нравятся мне эти лихие ребята, ой как нравятся. Особенно тот факт, что на них работала половина наших чиновников... Да, кстати, о прибыли. Сколько я получу после того, как обработаю генерала?

– Половину суммы кредита, – твердым голосом пообещал Джавадов.

– Этого маловато. Если я не ошибаюсь, вы собираетесь использовать эти деньги на расширение сфер влияния в своем бизнесе? Я не глупец и понимаю, что в конечном результате вы получите гораздо больше, чем даст вам генерал.

– Он еще ничего не дал.

– Но даст. Это я вам гарантирую.

Немного подумав, хозяин кивнул:

– Хорошо, я согласен – пять процентов от прибыли ваши.

Чувство меры было одним из главных достоинств гостя, поэтому он решил не упираться.

– Договорились, – с улыбкой отозвался он и протянул руку

для рукопожатия.

Окончательно уверившись в желании своего нового союзника работать в тесной связке, Джавадов вновь предложил выпить.

На этот раз гость не отказался. Больше часа они, потягивая джин с тоником, обсуждали детали плана и в конце концов пришли к самому правильному, на их взгляд, решению.

Джавадов выразил надежду, что они встретятся еще раз, чему гость категорично воспротивился.

– Мы должны свести риск до минимума. Никто не должен видеть нас вместе. Я буду действовать по своим каналам, а вы спокойно работать. Будет лучше, если вы вообще на время прекратите свою активную деятельность и уедете отдыхать. Я буду звонить вам примерно раз в неделю и рассказывать об успехах... Впрочем, о многом вы будете узнавать из газет.

– Но о генерале Клебаничеве газеты писать не будут.

– О генерале Клебаничеве можете не волноваться. Он выдаст вам кредит в любом объеме. У меня на примете есть человек, который поможет нам раскрутить генерала на полную катушку. К сожалению, не последнюю роль здесь играют личные мотивы, но выбирать не приходится. Этот человек ненавидит генерала слишком сильно и давно горит желанием отомстить. Боюсь, правда, что после завершения нашего совместного проекта этого добровольного помощника придется убрать. Это немалый риск, но если мы поддадимся жалости, то вся затея может окончиться полнейшим крахом.

Джавадов вдруг подумал, что речь идет о женщине. Ведь только особы противоположного пола могут испытывать к чинам такие сильные чувства, как месть, ревность, страх. При мысли о том, что еще один человек (к тому же – женщина!) будет посвящен в их планы, он поморщился и не преминул высказать собеседнику свои опасения.

Однако гость лишь улыбнулся и покачал головой:

– Повторяю: можете не волноваться, через два месяца необходимый кредит будет вами получен.

Глава 2

Российская стюардесса выглядела практически так же, как и любая ее коллега из любой авиакомпании Европы: строгий, почти деловой костюм, умело уложенные волосы, многообещающая улыбка и хорошо поставленный голос, в котором звучали постоянные нотки оптимизма.

Во время полета Константину Панфилову удалось перекинуться парой слов с этой хорошенькой служащей авиакомпании, напоминавшей Барби или заводную куклу. После короткой, но «содержательной» беседы у него осталось чувство досады, так как на все вопросы Константина стюардесса отвечала стандартными, заученными наизусть фразами, типа «надеемся, что полет доставит вам удовольствие».

Когда самолет начал снижаться и пошел на посадку, Константину показалось, что почти все пассажиры разделяют его точку зрения: пользоваться услугами отечественного воздушного транспорта – чистой воды безумие. Многие из них крепко вцепились в обитые кожзамениателем подлокотники, некоторые начали нарочито громко беседовать с соседями, тем самым изображая из себя смельчаков.

Впрочем, быть может, в этом и кроется тайна загадочной русской души – встречать надвигающуюся смерть с циничной улыбкой на губах, упиваясь собственным героизмом и бесстрашием.

Однако самолет, вопреки ожиданиям, спокойно и буднично приземлился в Шереметьево-2. Хвост не отвалился, шасси раскрылись своевременно, и Константин принялся думать о насущных проблемах.

Через несколько минут, максимум полчаса, он должен был встретиться с полковником Кузьминым, который собирался сообщить ему нечто «весьма и весьма важное». Настолько важное, что Кузьмин не решился передать это по обычным каналам связи даже в зашифрованном виде. Константин догадывался, что ему предложат работу, с которой, по словам Кузьмина, мог справиться только он, Жиган. То есть Константин Панфилов, он же – если верить паспорту – Федор Вологжанинов.

* * *

Еще вчера Константин прогуливался по старинным улочкам Амстердама, города, не лишённого романтики и гостеприимства, и думать не думал, что ему придется вернуться в Москву в такой спешке. Он пробыл в Амстердаме всего лишь несколько часов и, очарованный красотами Голландии, решил, что этот город благотворно подействует на Ларису. Ему вдруг страшно захотелось привезти ее сюда вместе с ее сыном Константином, смешливым мальчуганом, ближе и роднее которого у Панфилова теперь никого не было. За исключением Игната, разумеется...

Константину почему-то очень хотелось, чтобы мальчик занимался музыкой.

«Пусть из него не вырастет второй Паганини или Ростропович, но элементарные навыки он обязательно должен получить. Я, например, очень благодарен тебе за то, что ты научила меня слушать и еще больше ценить классическую музыку», – говорил Константин. Лариса не возражала, но, улыбаясь, тонко намекала, что у мальчугана может не быть музыкального слуха.

Однако, вспоминая Игната, Лариса впала в непонятную депрессию. Она чувствовала себя подавленной и никому не нужной. Часто плакала, но так же легко успокаивалась, и даже сын не мог развеять ее тревожные мысли. Состояние Ларисы пугало, и Константин связался с лучшими специалистами-психиатрами. После часовой консультации пожилой сухощавый доктор, больше похожий на учителя ботаники, чем на мировое светило, порекомендовал Ларисе отдохнуть в частном санатории, находившемся в горах. В тот же день Константин отвез Ларису туда.

Свежий воздух, тишина, прекрасные пейзажи благотворно сказались на здоровье молодой женщины. Она заметно повеселела, чуть-чуть поправилась, у нее появился прекрасный аппетит.

Но через две недели, проведенные в горах, начал уставать от вынужденного безделья Панфилов. Конечно, освоение различных компьютерных программ, блуждание по сай-

там Интернета и изучение разнообразных наставлений и инструкций отнимали много времени и сил. Но это была кабинетная, сидячая работа, а Константин не любил особенно засиживаться. Поэтому с воодушевлением принял предложение Ларисы съездить куда-нибудь. Сама она никогда не бывала в Нидерландах, но, прежде чем выехать туда с сыном, решила отправить в Амстердам Константина, так сказать, на разведку. Панфилов особенно не упирался, пообещав вернуться максимум через три дня...

* * *

Вчера вечером Константин забежал в отель «Эксельсиор» – один из самых старинных отелей на пересечении каналов в старой части Амстердама, – лишь на пару минут, только для того, чтобы оставить в номере покупки и переодеться. Он собирался прошвырнуться по ночному городу, заглянуть в маленькие бары, но так и не успел осуществить свои планы.

Вышколенный портье с мягкой улыбкой сообщил, что час назад мистеру Вологжанинову звонил мужчина, назвавшийся Гельдером. Не застав мистера в номере, звонивший попросил передать, что свяжется с Вологжаниновым ровно в девять.

Единственным человеком, который мог бы так бесцеремонно вторгнуться в частную жизнь Жигана, был генерал Фалунчук. И если он решился побеспокоить Панфилова

здесь, в Амстердаме, значит, произошло нечто из ряда вон выходящее. Так подумал Константин, получив сообщение портье, и оказался прав. Ровно в девять раздался звонок из Москвы, но вместо знакомого голоса генерала в трубке послышался мягкий баритон его заместителя, полковника Кузьмина.

– Господин Вологжанинов?.. Здравствуйте! Вы меня узнали?

– Добрый вечер. Узнал.

– Несколько часов назад я звонил в Женеву. Лариса дала мне номер телефона, по которому я и смог вас разыскать, – полковник сделал короткую паузу, а затем без нажима, но твердо сказал: – Нам нужно немедленно встретиться. Есть разговор.

– Это совсем некстати, – растерялся Константин и уточнил: – Разговор или предложение?

– Весьма важный и срочный разговор, за которым следует не менее важное предложение.

И хотя Панфилов решил было отказаться от задания, что-то в голосе полковника заставило его насторожиться.

– Значит, мне нужно вылететь первым же рейсом?

– Да.

– И дело не терпит отлагательства?

– Совершенно верно!

– Как много времени оно может занять?

– Думаю, самое большое – три дня.

– Ладно, я вылетаю, встречайте...

Теперь предстояло самое сложное – позвонить Ларисе и объяснить ей свой внезапный отъезд. Некоторое время Константин смотрел в окно, наблюдая за яркими буквами неоновой рекламы, а затем выключил верхний свет. Теперь его номер освещал лишь слабый ночник, и собственная тень на стене казалась Константину угрожающей.

«Это звучит парадоксально, но бездействие меня угнетает. Тем более если моя помощь требуется там, в Москве, – он вытащил из пачки сигарету, щелкнул зажигалкой и глубоко затянулся. – Но как сказать об этом Ларисе? Какие слова нужны для того, чтобы она понапрасну не беспокоилась?»

Боясь передумать, он снял телефонную трубку и заказал один билет до Москвы на ближайший рейс. И лишь после этого перезвонил Ларисе.

Она сняла трубку почти сразу, словно весь вечер просидела у телефона.

– Привет, – поздоровался Панфилов. – Что у вас новенького? Как Константин Второй?

– Все нормально, – беззаботно отозвалась Лариса. – Уже спит.

– А ты чем занимаешься?

– Смотрю телевизор и вяжу себе свитер.

– Здорово, – на мгновение Константин замялся, не зная, как перейти к самой важной части разговора.

Лариса, словно прочитав его мысли, спросила:

– Ты приедешь, как обещал, через три дня?

– Извини, но мне придется немного задержаться: позвонил старый приятель, пригласил вместе порыбачить. Он как раз сейчас на отдыхе в Голландии...

– Ах да, тебе и вправду кто-то звонил! – успокоилась Лариса. В ее голосе вновь зазвучала безмятежность: – Это ничего, что я дала номер твоего отеля?

– Конечно, ничего, – успокоил ее Константин. – В связи с непредвиденной встречей, наверное, вернусь не раньше четверга.

– Но это же целая неделя!

– Извини, но я уже пообещал. Я не видел этого человека целых сто лет, он мой старый сослуживец. Мы когда-то вместе воевали...

– Хорошо-хорошо, не продолжай, – рассмеялась Лариса. – Поезжай на рыбалку, куда угодно, но не забывай, что мы тебя ждем.

– Поцелуй за меня Константина Второго.

Положив трубку, Константин почувствовал угрызения совести за свой обман. Ведь они с Ларисой договорились говорить друг другу только правду. Но сейчас Константин не мог поступить иначе – он знал, что его чистосердечное признание окончится катастрофой: Лариса вновь впадет в депрессию. А так она будет думать, что Константин где-то рыбачит, поэтому и не станет звонить каждый день. Панфилов искренне надеялся, что его задание не займет много време-

ни, но на всякий случай отодвинул свое возвращение на более длительный срок.

* * *

Во время полета Панфилов старался не думать о предстоящем разговоре с полковником Кузьминым, но, когда самолет замедлил свой бег, а из главного здания выполз трап-туннель, Константин заволновался.

«Почему мне позвонил Кузьмин, а не сам Фалунчук? Неужели с генералом что-то произошло?.. Нет, этого просто не может быть, – принялся успокаивать себя он. – Скорее всего Валерий Андреевич уехал в отпуск, передав все свои дела заму. В том числе и мои координаты. Но Кузьмин никогда не был паникером. Во всяком случае, Валерий Андреевич отзывался о нем с уважением. Фалунчуку я доверяю, значит, мое присутствие в Москве действительно необходимо».

И все же какая-то внутренняя неудовлетворенность мешала Константину усидеть на месте. Он отстегнул ремни, встал и начал торопливо пробираться по коридору салона, не дожидаясь полной остановки самолета.

Стюардесса мягким, но решительным тоном предложила Панфилову занять его кресло, и Константин нехотя повиновался.

«Что это? – принялся размышлять он, ловя на себе недо-

вольные взгляды пассажиров. – Шестое чувство, предупреждающее об опасности? Или просто шалят нервишки? Почему я вдруг сорвался с места?»

Панфилов неожиданно пожалел о том, что у него нет с собой пистолета. Он никогда не брал с собой в самолет оружия во избежание ненужных формальностей. Тем более что в последнее время террористы предпочитали не связываться с летающей техникой. Мода на угоны самолетов, такие частые в первые годы горбачевской перестройки, давно прошла.

Константин сошел по трапу самолета одним из первых, быстро спустился вниз, уверенный, что где-то неподалеку его ожидает служебная машина Кузьмина вместе с помощником.

Ступив на бетонированное летное поле и убедившись, что никаких черных «Волг» поблизости не наблюдается, Константин слегка растерялся. Для того чтобы пройти на летное поле, эфэсбэшнику не обязательно было иметь специальный пропуск. Он мог запросто воспользоваться своим служебным удостоверением, которое, подобно известному паролю из сказки «Али-Баба и сорок разбойников», открывало любые двери.

Но, как ни странно, полковник не воспользовался своим преимуществом перед простыми смертными – вблизи автобуса для перевозки пассажиров не было никого из его подчиненных. Решив, что посланец Кузьмина ждет в помещении,

где пассажиры обычно проходят паспортный и таможенный контроль, Константин немного успокоился. Однако и там не оказалось никого из встречающих его служащих ФСБ.

Теряясь в догадках, почему обычно педантичный полковник на этот раз так оплошал, Панфилов спокойно наблюдал за тем, как рослый таможенник усердно роется в его немногочисленных вещах, явно собираясь обнаружить там парочку килограммов героина. К большому разочарованию работника таможни в багаже бизнесмена Вологжанинова ничего подозрительного не нашлось, о чем служака огорченно уведомил вышеупомянутого господина. Константин, сложив вещи в «дипломат» и получив свой паспорт, направился к выходу.

Оказавшись в здании аэропорта, он внимательно огляделся, ища глазами знакомые лица. В такой суете заметить нужного человека было непросто: повсюду сновали озабоченные скорым отлетом пассажиры и служащие Шереметьева. Если бы Кузьмин не помахал Константину рукой, то Панфилов потратил бы на поиски полковника значительно больше времени и нервов.

Полковник стоял рядом с билетными кассами и, судя по всему, был рад встрече. Его длинное, худощавое лицо (недоброжелатели частенько называли его лошадиным) осветила дружеская улыбка. И хотя в холодных глазах по-прежнему читалось презрение ко всем и вся, Константин почувствовал: Кузьмин, увидев его, вздохнул с облегчением.

Единственное, что не могло не настораживать Панфилова – странное поведение Кузьмина, не укладывающееся в общепринятые правила. Он мог послать за Константином своего помощника, невзрачного майора по фамилии Солодовников. Мог позвонить Константину в мастерскую и назначить встречу. Тем не менее он приехал в Шереметьево один, без охраны, да еще вдобавок оделся в потертые джинсы и старенький пиджак, наверняка одолженные у сына-студента.

«Все бы ничего, если бы не дорогой «дипломат», – подумал Константин, торопливо шагая прямо к Кузьмину. – Из-за этого новенького кожаного чемоданчика вся конспирация коту под хвост. Но разве мужчина, прикинутый в такое старье, может себе позволить купить столь дорогую вещь? Интересно, зачем он так приоделся? Что это – желание ничем не выделяться среди толпы или таким образом полковник пытается уйти от слежки? Впрочем, не стоит ломать голову: через несколько минут я все узнаю».

Когда до Кузьмина оставалось чуть больше пяти метров, взгляд Константина неожиданно уперся в высокого, небрежно одетого мужчину с большой спортивной сумкой на плече. Возможно, Панфилов не обратил бы на незнакомца никакого внимания, если бы не странное выражение опустошенности на его лице. Да и новенькая бейсбольная кепка совсем не вязалась с темной курткой из отечественной плащевки. И еще насторожили побелевшие костяшки пальцев, судорожно сжимавшие потертые бока его багажа.

Высокий незнакомец смотрел прямо перед собой невидящим взглядом, нервно облизывал губы, а на его лице нервно блуждала кривая улыбка. Константин решил, что перед ним ненормальный, и с удивлением подумал, куда, интересно, тот направляется?

Далее все произошло настолько быстро, что никто не успел отреагировать должным образом. Высокий незнакомец в бейсболке резко расстегнул «молнию» на сумке, и Константин увидел ствол автомата с навинченным глушителем. Еще не сообразив, что происходит, Панфилов чисто интуитивно бросился к этому человеку, намереваясь предотвратить готовящееся преступление. В тот момент он не думал, в кого собирается стрелять незнакомец, и лишь спустя несколько мгновений определил возможный объект нападения. Наверняка в зале находилось множество людей, чья жизнь в той или иной степени подвергалась опасности, но только один человек стоял именно там, куда незнакомец направил ствол своего автомата.

– Ложитесь, полковник! – заорал Константин. – Быстро!

Двое мужчин, стоявших позади Кузьмина, упали на пол, а на лице полковника появилось выражение растерянности и сильного потрясения. Он сунул руку под мышку, но вдруг покачнулся, и на левом отвороте его пиджака появилась маленькая дырочка.

Полковник конвульсивно дернулся и стал медленно оседать на мраморные плиты.

Константин также почувствовал резкую боль в области позвоночника, словно кто-то огрел его по спине здоровенной дубиной. Затем последовал точно рассчитанный удар под коленки, после которого только механический робот не свалился бы на пол. Перед глазами у Константина поплыли красные круги, но ему удалось удержаться на ногах и даже обернуться.

Он понял, что его ударил невысокий и довольно щуплый подросток, со всех ног улепетывавший в сторону стоек для регистрации пассажиров. В руках парнишка держал нечто похожее на складной зонтик в кожаном футляре, которым он умело расчищал себе дорогу. Судя по громким возгласам и гримасам боли на лицах потерпевших, зонтик был, по меньшей мере, из стали. Наверняка маленький негодяй просто подстраховывал своего старшего товарища – он отвлекал все внимание на себя, чтобы убийца мог беспрепятственно скрыться.

Мгновение, и подросток затерялся в толпе, а Константин вновь сосредоточил все свое внимание на полковнике, который лежал неподвижно. Приложив максимум усилий, Панфилов рывком преодолел расстояние до Кузьмина и, преодолевая адскую боль в коленях, приземлился рядом с ним. Схватил полковника за запястье и попытался нащупать пульс. Однако пульс не прослушивался – полковник Кузьмин был мертв.

Все происшествие заняло не больше пятнадцати секунд,

но вокруг Константина уже столпились люди. Охи, вздохи, стенания действовали Панфилову на нервы, мешали сосредоточиться. Он на всякий случай огляделся, почти уверенный в том, что убийца давно покинул зал ожидания. И здорово удивился, заметив в глубине зала темную куртку и яркую бейсболку. Убийца спокойно шагал по направлению к выходу и деловито размахивал сумкой, словно происходящее за спиной его абсолютно не касалось.

«Он профессионал, – догадался Константин, с трудом поднимаясь на ноги. – Решил смыться, не привлекая ничьего внимания. Если бы он побежал, его тут же схватила бы милиция...»

Это казалось безрассудным – преследовать убийцу без оружия. Тем более что этот обкурившийся маньяк, почуяв реальную опасность, мог запросто уложить не один десяток пассажиров, находящихся в зале ожидания. Это Константин оценил почти мгновенно, как и то, что встреча со столичными органами правопорядка не входит в его планы. Полковнику Кузьмину, увы, уже ничем нельзя было помочь, поэтому Константин решил побыстрее исчезнуть с места преступления.

Кроме того, существовала реальная возможность, что в толпе пассажиров находятся сообщники убийцы, и в случае решительных действий со стороны Панфилова эти парни начали бы стрелять на поражение.

Пока испуганные работники аэропорта метались во-

круг трупa, Панфилов воспользовался суматохой. Подхватив свою оброненную сумку, он вышел из здания и неторопливо зашагал к ближайшему такси.

К счастью, свидетели преступления и подошедшие зеваки были так заняты мертвым полковником, что позабыли обо всем на свете.

Лишь оказавшись в салоне серебристого «Вольво», Константин смог немного расслабиться и попытаться заставить себя поверить, что на сегодняшнее утро все неприятности закончились. Назвав адрес, он откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Плавное покачивание не мешало сосредоточиться на дальнейших планах. Для полного кайфа не хватало только чашечки крепкого кофе да мелодии Вивальди, но Панфилов надеялся, что через полчаса у него будет возможность насладиться и тем, и другим.

Водитель остановил машину за несколько кварталов от мастерской, единственного места, где с недавних пор Константин чувствовал себя в полной безопасности. Расплатившись с таксистом, Панфилов уверенно зашагал вдоль домов, не забывая бросать осторожные взгляды по сторонам. Делал он это скорее по привычке, чем повинуясь внутреннему сигналу опасности. Хотя после гибели полковника Кузьмина Константин был готов к любым сюрпризам.

Но вокруг было тихо. В воздухе пахло жареными кабачками, словно все хозяйки тихих арбатских дворов враз сговорились готовить «заморскую» икру. На лавочках дрема-

ли старушки с вязанием, дети шумно играли в песочнице, а трое краснолицых мужичков в спортивных костюмах сообщали на троих под грибком беседки.

Стояло жаркое лето...

«Теперь я никогда не узнаю, что собирался поведать мне полковник, – с грустью подумал Панфилов, подходя к своему подъезду. – Жаль Кузьмина, неплохой был мужик...»

Он чувствовал, что рано или поздно ФСБ выйдет на его след, ведь наверняка многие слышали резкий окрик Константина, предупреждающий полковника об опасности.

И тогда оперативники Москвы начнут искать высокого светловолосого мужчину, которого, по всей вероятности, и встречал Кузьмин. Скорее всего с помощью свидетелей удастся составить словесный портрет Константина, ведь он, в отличие от убийцы, не прятал свое лицо под козырьком кепки-бейсболки. Честно говоря, Панфилову было все равно или почти все равно. Он привык к подобным поворотам судьбы. Гораздо больше его волновало другое – что хотел сказать ему полковник Кузьмин?

В мастерской за время отсутствия Константина ничего не изменилось. Он по-хозяйски обошел все углы, затем переоделся, умылся, включил музыкальный центр и принялся готовить себе полюбившийся «Амбассодор». Пока булькала кофеварка, он, не переставая, думал о происшествии в Шереметьеве. У него в голове вертелось множество вопросов, на которые он так и не смог найти удовлетворяющие его от-

веты. Слух приятно ласкали бессмертные мелодии Антонио Вивальди из «Кончерто грассо», но это не мешало сосредоточиться на главном, скорее наоборот.

«Почему стреляли в Кузьмина? – продолжал размышлять Панфилов. – Кто мог узнать, что именно в десять тридцать он будет находиться в зале ожидания? Ведь, судя по всему, полковник постарался обезопасить себя да и меня на все сто, приехав в аэропорт не на служебной машине. Он прибыл в Шереметьево явно инкогнито, постарался слиться с толпой пассажиров, но пуля, выпущенная парнем в бейсболке, достала его и здесь. Да, воистину, от судьбы не уйдешь...»

Прошел час, пока резкий звонок телефона не нарушил царящую в мастерской атмосферу гармонии. От неожиданности Константин вздрогнул и едва не пролил кофе на столик. Несколько секунд он молча смотрел на аппарат, решая, стоит ли снимать трубку. Этот номер знали только генерал Фалунчук и полковник Кузьмин.

В данное время генерал находился в отпуске, а полковник, по всей вероятности, – в городском морге.

Решив, что звонивший просто-напросто ошибся номером, Константин снял трубку.

– Слушаю?

– Это Федор Вологжанинов? – Голос невидимого собеседника был хриплым от волнения.

Константин помедлил с ответом. На мгновение ему показалось, что мертвый полковник воскрес.

– Господин Вологжанинов? – продолжал настаивать звонивший. Теперь он держался гораздо увереннее. – Я от полковника Кузьмина. Давайте встретимся...

– Когда и где? – разжал губы Панфилов.

– Через тридцать минут я подъеду туда, где обычно вас ждал полковник.

В трубке послышались короткие гудки, и Константин с удивлением отметил, что неизвестный собеседник был прекрасно осведомлен о негласном правиле конспирации – он говорил куда меньше трех минут, а за такое короткое время практически невозможно просчитать место, откуда был сделан звонок.

«Вечно у них что-то срочное, – мысленно пробурчал Константин, с сожалением отставив в сторону чашку с кофе. – Никогда нельзя строить свои планы».

Он встал, подошел к встроенному в шкаф сейфу, открыл его и вытащил на свет божий несколько картонных коробок, в которых хранилось оружие.

Секунду поразмыслив, решил захватить с собой армейский «кольт» – свою любимую игрушку. Константин не был уверен, что ему сегодня вообще понадобится оружие, но, наученный недавним горьким опытом, решил на всякий случай подстраховаться. Происшествие в аэропорту никак не выходило из головы, мешало сосредоточиться на предстоящей встрече. Перед глазами стояло недоуменное лицо полковника и неряшливый парень в красной бейсбольной кепке.

Выключив музыкальный центр, Панфилов подошел к зеркалу и пригладил волосы. Стало немного грустно от того, что пришлось прервать отпуск.

«Впрочем, если бы Лариса узнала, что я улечел в Москву, то она бы, как всегда, разволновалась. А так пусть думает, что я рыбачу со старым товарищем где-нибудь в пригороде Амстердама... Ничего, я ведь не задержусь здесь надолго!»

В тринадцать тридцать семь Константин стоял в двух кварталах от дома, где располагалась его мастерская, гадая, на какой машине подъедет человек, с которым он разговаривал по телефону.

Время шло, но к условленному месту никто не спешил. Когда минутная стрелка перевалила за двенадцать, Константин заволновался. Ему вдруг показалось, что его заманили в какую-то дьявольскую ловушку, откуда невозможно выбраться. В тот момент, когда Панфилов принял единственно правильное, на его взгляд, решение незаметно уйти, рядом с ним взвизгнули тормоза. Константин обернулся и увидел у тротуара темно-красные «Жигули».

Дверца машины распахнулась, и знакомый голос приказал:

– Садитесь!

Константину не пришлось повторять дважды. Мгновенно оценив обстановку, он скользнул на переднее сиденье, а водитель тотчас выжал педаль газа.

«Жигули» метнулись в полутемную арку, свернули напра-

во, затем налево, немного попетляли по московским дворикам и в конце концов остановились напротив пятиэтажной «хрущевки».

Только теперь Константин смог как следует рассмотреть человека, сидевшего за рулем. Это был грузный седоволосый мужчина лет пятидесяти с пронзительно-голубыми глазами и холеными пальцами. Выступающий вперед подбородок свидетельствовал о том, что его обладатель – властный и решительный субъект. Лицо водителя показалось Константину до боли знакомым, но лишь через несколько минут он догадался, что рядом с ним, за рулем старой «шестерки» сидит сам генерал-майор Клебаничев, занимающий весьма ответственный пост в Министерстве обороны.

В определенных кругах генерал Игорь Петрович Клебаничев имел стойкую репутацию прогрессивного военного. В прошлом – герой афганской войны, ныне – близкий друг многих властей предрежащих, Игорь Петрович ратовал за усиленные реформы в армии, чем и нажил себе несметное количество врагов. Но Константин знал, что Клебаничев всегда пренебрежительно относился к ведомству, под крышей которого служил Панфилов, называя всех эфэсбэшников «хитрыми лисами, любящими полакомиться дармовым виноградом». И вот теперь этот категоричный противник ФСБ вдруг обратился к агенту по кличке Жиган. Почему? Неужели среди его коллег мало настоящих профессионалов, способных выполнить любую работу?

Все эти мысли пробежали в голове у Панфилова буквально за несколько мгновений. По искоркам в глазах Клебаничева Константин понял, что генерал догадался о его сомнениях.

– Вижу, вы уже поняли, кто я, – пробасил генерал. – Что ж, значит, мне не надо представляться. Тогда перейдем сразу к делу.

– Кто вам сказал, как меня найти? – уточнил Константин. – Полковник Кузьмин?

Чуть помедлив, Клебаничев кивнул.

– Да. Он собирался сам поговорить с вами, но... Увы, полковника больше нет в живых, о чем я очень сожалею. Насколько мне известно, его застрелили в аэропорту, когда он встречал вас?

– Это вопрос или утверждение?

– Скорее вопрос.

Панфилов пожал плечами.

– Какая разница, где и почему убили полковника? Он мертв, и я бы хотел, чтобы расследованием обстоятельств его гибели занимались профессионалы, несмотря на то что это может принести мне массу хлопот.

– Хлопот? – хмыкнул генерал. – Вы видели, как в него стреляли?

– Да.

– Тем не менее спокойно уехали с места преступления. Бросить друга – не меньшее преступление, чем нажать на

спусковой крючок.

– Вы что, вызвали меня сюда только затем, чтобы читать нотации?

Генерал, не сводя с лица собеседника пронизывающих глаз, холодно усмехнулся, тем самым показывая, что ответ Константина ему не понравился.

Однако Панфилов спокойно выдержал испытующий взгляд Клебаничева. Жиган знал себе цену и был уверен, что нужен генералу. Нужен как воздух, как глоток воды в пустыне. Константин предполагал, что некорректное поведение генерала вызвано растерянностью, а быть может, даже страхом. Но все знали, что кто-кто, а уж Клебаничев вообще ничего не боялся – ни бога, ни дьявола.

– Так о чем вы хотели поговорить со мной? – первым нарушил затянувшееся молчание Константин.

Лицо генерала исказила гримаса боли:

– О моей дочери.

Панфилов удивленно вскинул брови. Как ни старался, он не мог представить, что у такого человека, как генерал Клебаничев, может быть семья. Генерал производил впечатление старого холостяка, которого можно затащить к алтарю разве что под дулом автомата.

– Вижу, вы удивлены, – на этот раз улыбка Клебаничева была горькой. – Да, у меня есть дочь, и, признаюсь честно, она доставляет мне немало хлопот. Нет, она хорошая девушка, послушная, воспитанная в старых традициях. Ника-

кого присущего нынешней молодежи максимализма, никаких вредных привычек типа сигарет, спиртного и наркотиков. С отличием окончила журфак университета, причем поступила туда сама, без всякого блата... Моя жена умерла четыре года назад, но до этого долго болела. Практически воспитанием Светланы занималась бабушка. Я старался не влезать в этот сложный процесс – возможно, потому, что Светлана – девочка. Был бы парень, тогда бы и у меня нашлось для него немало времени. Но Светлана – моя плоть и кровь, и то, что она дорога мне, я осознал только сейчас...

– Одного не понимаю, при чем здесь я? – рискнул перебить Панфилов.

– Моя дочь пропала два дня назад при весьма загадочных обстоятельствах. Рано утром вышла погулять с Бимом – это ее собака, черно-белый терьер, – и не вернулась. Я спохватился только вечером, когда вернулся с работы и заметил, что Светланы нет в ее комнате.

«И стоило из-за всего этого раздувать такой сыр-бор, – подумал Константин. – Ну загуляла девчонка, не пришла ночевать... С кем не бывает?»

Однако он не решился высказать эти мысли вслух. Все-таки рядом с ним сидел генерал Клебаничев, герой войны, который в августе девяносто первого помогал первому президенту России бороться за демократию, а Панфилов относился с уважением к чужим заслугам. Именно поэтому он мягко повторил свой вопрос:

– Я все еще не могу понять: почему вы обратились именно ко мне?

– Вы должны найти ее.

«Ну вот, Панфилов, ты и допрыгался, – грустно усмехнулся Константин. – Из «вольного художника», секретного агента по особым поручениям совершенно незаметно для себя превратился в «няньку» для детей высокопоставленных особ».

Несколько секунд он размышлял, как тактичнее отказаться от этого задания, а затем медленно начал:

– Извините, генерал, но я не понимаю, зачем вам именно я? По-моему, розысками пропавших людей довольно успешно занимается милиция. Это во-первых. А во-вторых, с чего вы решили, что ваша дочь не вернется домой? Сколько ей лет?

– Двадцать два.

– Извините, но в двадцать два года просто необходимо иметь право на личную жизнь. Возможно, ваша Светлана познакомилась с каким-нибудь парнем и осталась у него ночевать. Или решила пожить несколько дней у подруги. Я не прав?

– Нет, – вокруг рта Клебаничева пролегли суровые складки. – Я обзвонил уже всех подруг. Никто из них ничего не знает о моей дочери...

– Ну, это еще не повод для паники.

Клебаничев тряхнул седой головой, как бы отгоняя от се-

бя надоедливых мух, и решительно продолжил:

– Послушайте, Жиган, я заплачу вам приличную сумму. У меня есть кое-какие сбережения, – он открыл «бардачок» и вытащил из него пухлый, незаклеенный конверт. Бросил его на колени Константину со словами: – Здесь пять тысяч долларов. Это задаток...

Панфилов тяжело вздохнул. Было трудно объяснить генералу, почему он отказывается от такого заманчивого предложения. Ведь Клебаничев, в отличие от простых смертных, располагал неограниченной властью. При желании он мог поднять на ноги всю московскую милицию и бросить на поиски своей дочери самых лучших, самых опытных сыщиков. Именно поэтому Константин вновь покачал головой, осторожно положил конверт в «бардачок» и решительно взялся за ручку дверцы.

– До свидания, генерал, – миролюбиво попрощался он. – Желаю вам успехов.

– Погодите, Жиган! – вдруг воскликнул Клебаничев. – Это еще не все!

Он развернулся и взял с заднего сиденья «дипломат», торопливо щелкнул замками, просунул руку в образовавшуюся щель и, достав лист бумаги, протянул его Константину.

– Вот. Это пришло сегодня утром. Надеюсь, теперь вы поймете, что все гораздо серьезнее, чем кажется на первый взгляд.

«Ваша дочь находится у нас. Если обратитесь в пра-

воохранительные органы, она умрет. Ангелы справедливости»«», – прочитал Панфилов.

– Эта информация была передана по моему личному факсу, номер которого знают только пять человек, – пояснил генерал и быстро добавил: – Всем пятерым я доверяю как самому себе.

«Это уже интереснее», – подумал Константин, а вслух спросил:

– А что это за «Ангелы справедливости»?

– А черт их знает! – в сердцах выругался генерал. – Я подозреваю, что эти бравые ребята похитили Светлану не из-за денег. Если они каким-то образом узнали номер моего факса, то наверняка в курсе, что у меня нет кругленького счета в швейцарском банке... Говорил же я этой чертовой девке не ходить без охраны!

Панфилову показалось, что генерал вот-вот заплачет. Он прекрасно понимал его отцовские чувства и на мгновение заколебался – может, помочь? И тут же подавил в себе приступ жалости. Это дело явно не входило в его компетенцию, во всяком случае, пока похитители не предъявили конкретных требований.

– Это Кузьмин предложил вам обратиться ко мне? – осторожно уточнил Константин.

Генерал кивнул:

– Да. Он и был одним из тех, кто знал номер моего факса. Не понимаю, из-за каких таких соображений, но он насто-

ательно рекомендовал, чтобы этой историей с похищением занялся секретный агент ФСБ. А самым толковым и отчаянным, хотя и недавно привлеченным для сотрудничества, если верить словам Кузьмина, являетесь вы. К тому же вас практически никто не знает даже в вашем ведомстве, а значит, и утечка информации исключена. И именно поэтому я сижу в этой дурацкой машине, которую одолжил у знакомого, и умоляю вас вникнуть в суть происходящего.

– Как вы узнали мой номер телефона?

– Хороший вопрос, – усмехнулся Клебаничев и со вздохом ответил: – Все от того же Кузьмина. Правда, он сам собирался поговорить с вами о Светлане, но, как видно, не успел. Перед тем как отправиться в Шереметьево встречать вас, Кузьмин позвонил мне и сказал, что все улажено: в десять тридцать нужный человек прилетает в Москву, а затем предложил встретиться на нейтральной территории. Я был здорово удивлен, однако согласился. Вызвал служебную машину и отправился в небольшое кафе на Лубянке. Полковник уже ждал меня там с чашечкой кофе. Честно говоря, меня удивил его внешний вид – Кузьмин был одет в потертые джинсы, клетчатую рубашку и старомодный пиджак. Когда я спросил его: «Что это за маскарад?», Кузьмин лишь улыбнулся. Тогда я с раздражением подумал, что это дурацкие игры разведчиков и контрразведчиков. Знаете, я ведь не очень-то уважаю вашу братию...

– Да уж, наслышан, – улыбнулся Константин. – А как на-

счет нынешнего президента?

Генерал сделал вид, словно не расслышал вопроса, и продолжил:

– В кафе мы говорили о каких-то малозначащих вещах, и я даже разозлился, подумав, что из-за этого свидания мне пришлось отменить две важные встречи. Перед тем как попрощаться, Кузьмин передал мне под столом конверт. Это оказалось каплей, переполнившей чашу терпения, – моему возмущению не было предела. Понимаете, я каждую минуту думаю о Светлане, и все эти предосторожности показались мне лишними и, простите, вульгарными. Я вскипел, чуть было не швырнул этот конверт на столик, но Кузьмину каким-то образом удалось меня утихомирить. Уже на улице он шепотом попросил вскрыть послание в случае непредвиденных обстоятельств. Я не придавал этому особого значения, но через час мне позвонили и сообщили, что полковника Кузьмина убили, застрелили в аэропорту. И тогда я понял, что за обстоятельства он имел в виду... – Несколько минут Клебаничев молча смотрел прямо перед собой, положив на руль узловатые пальцы, затем немного сдавленным голосом продолжил: – Я тут же вскрыл конверт, в котором оказалось письмо с инструкциями, как найти Жигана. Я выполнил все условия Кузьмина – одолжил машину, позвонил вам из автомата, несколько раз проверил, нет ли за мной «хвоста». И вот я здесь...

Константину вдруг стало немного не по себе – рядом с

ним сидел генерал Клебаничев, живая легенда Министерства обороны, и, почти унижаясь, просил заняться поисками его единственной дочери.

«Наверное, только мне суждено увидеть генерала в таком подавленном состоянии, – некстати подумал Константин. – Только чем я могу ему помочь? Это же почти нереально – отыскать девушку в многомиллионном городе... А если ее уже давно увезли из Москвы или убили?»

– Скажите, кроме информации, переданной на ваш факс, о Светлане не поступало никаких известий? – осторожно поинтересовался он и пояснил свою мысль: – Обычно похитители предоставляют своим пленникам возможность поговорить с родными по телефону.

– Нет, мне никто не звонил, – отрывисто ответил генерал и впился взглядом в лицо Константина. – Эх, чует мое сердце, что скоро эти чертовы «ангелы» развернутся на всю катушку! Только идиоты похищают дочь Клебаничева из-за денег! Им нужна какая-то информация, возможно, связанная с покупками и продажей оружия... И что вы думаете, я такой патриот своей Родины, чтобы, как Павлик Морозов, предавать собственного отца или дочь? Шиш вам! Я все выложу этим гадам! Все! – И, поостыв, он добавил: – Черт, сижу, как на пороховой бочке!

«А ведь он прав, – подумал Константин. – И врагу не пожелаешь оказаться на его месте... Не знаю, как бы я сам поступил в подобной ситуации. Не знаю... Но уж если на карту

поставлена жизнь собственного ребенка, тут не до широких жестов и не до игр в патриотизм».

– Ладно, я согласен, – неожиданно для самого себя сказал Панфилов, заметив, как в глазах генерала затеплилась надежда. – Только вы должны мне помочь. Во-первых, в ближайшие часы разыскать все, касающееся этих «Ангелов справедливости» – что это за организация, кем и когда была создана и все в таком духе. Потяните за все возможные ниточки, потрясите ГУВД, кажется, у них имеется особый отдел, который занимается подобными делами. Во-вторых, мне нужно знать все о вашей дочери – ее связи, номера телефонов подруг и друзей, увлечения, рабочие контакты. В-третьих, как только эти «ангелочки» свяжутся с вами по телефону, постарайтесь записать разговор на пленку. И требуйте, настоятельно требуйте разрешения поговорить с дочерью. Нам необходимо убедиться, что она жива. И только после этого соглашайтесь на все их предложения. Ясно?

– Да-да, конечно! – кивнул Клебаничев. Он суетливо сунул руку в «дипломат», вытащил из него кожаную папку и протянул ее Константину со словами: – Я знал, что рано или поздно понадобятся имена знакомых Светланы. В этой папке собраны их координаты, а также адреса сотрудников редакций, с которыми работала моя дочь. Она считала себя независимой журналисткой, именно поэтому не состояла в штате какого-нибудь конкретного издания... Здесь вы найдете ее последние материалы, а также старые публикации. Вырезки

из газет, кое-какие фотографии, ее дневник... К сожалению, я не нашел в этих записях ничего такого, что прояснило бы ситуацию. Так, пустые рассуждения о любви, философствования и прочая девичья чушь. Честно говоря, пересмотрев ее дневник, я не поверил, что это писала моя дочь. В жизни она была совсем другой – серьезной, вдумчивой девушкой... Да вы почитайте ее статьи!

Константин машинально открыл папку и принялся перебирать газетные вырезки. Светлана Клебаничева подписывалась звучным псевдонимом Светлана Непомнящая, сотрудничала со многими солидными изданиями, а все ее материалы касались модной в последнее время темы экологии и защиты окружающей среды.

– С кем ваша дочь была особенно близка? – уточнил Константин, пытаясь вникнуть в смысл какой-то чересчур умной фразы, за которую случайно зацепился взглядом.

Генерал растерянно улыбнулся и неуверенно ответил:

– У Светланы есть подруга детства, и, как мне кажется, она в курсе многих секретов моей дочери. Зовут эту девушку Наташа Третьякова, живет она в соседнем подъезде, но где работает, я не знаю. О ней я слышал от Светланы, но лично незнаком. Когда-то, может, и сталкивались. Не помню толком. Кажется, бегало какое-то чудо с косичками и с тонким писклявым голоском... Честно говоря, я с трудом представляю, чем в свободное время занималась моя дочь. Как она проводила свой досуг, в каких кафе бывала, чем увлекалась.

На работу я уходил рано, возвращался поздно, когда Светлана уже спала. Она была очень доверчивой девушкой, доброй и чуткой. Похитителям не составило большого труда заманить ее в ловушку... Послушайте, Жиган, если вы найдете мою дочь, то я стану вашим должником до конца жизни. Вы понимаете, что я имею в виду?

– Понимаю, – грустно кивнул Константин, а про себя подумал: «Ну что, Панфилов, видишь, до чего тебя довели твои принципы? Таких, как ты, неистребимых романтиков, нужно убивать в детстве... Да, жалость – опасная штука!»

Глава 3

Близкая подруга Светланы Клебаничевой – Наталья Эдуардовна Третьякова, русская, незамужняя, с неоконченным высшим образованием – жила в высотном доме на Кутузовском проспекте. Кроме нее в трехкомнатной квартире были прописаны бабка и дед, в прошлом майор КГБ, а ныне пенсионер, имеющий небольшой приусадебный участок в районе Солнечногорска.

Именно там некогда грозный чекист торчал почти все лето, любовно ухаживая за своими питомцами – кустами черной и красной смородины, яблонями и грушами, сливами и вишнями. Так что, начиная с первых чисел апреля и заканчивая концом октября, Наташа Третьякова была предоставлена самой себе, то есть делала все что ей заблагорассудится.

Именно с этой девушкой Константин Панфилов решил поговорить в первую очередь. Перед тем как отправиться к Наташе домой, он самым тщательным образом изучил досье Третьяковой, собранное подчиненными генерала. Из него следовало, что два года назад Наташа бросила МГУ по неизвестным причинам. Училась она хорошо, успевала по всем предметам, а по профилирующему – философии – вообще выдавала такие курсовые работы, что иные кандидаты наук и профессора могли бы позавидовать. После этого странного шага Наташа устроилась в одну из коммерческих фирм с не

менее странным названием «Геркулес» на должность секретаря-референта. Видимо, генерал Клебаничев не удосужился как следует просмотреть досье лучшей подружки любимой дочери, в противном случае его хватил бы инфаркт – фирма «Геркулес», помимо торговли бытовыми приборами, занималась весьма древним бизнесом, а именно: поставляла своим постоянным клиентам проституток высокого класса.

Поразмыслив, Константин пришел к неутешительным выводам – Наташа Третьякова променяла занятие философией не только на рекламирование пылесосов и кофеварок.

«Если эти две подружки были неразлучны, значит, и Светлана могла в свободное от журналистики время подрабатывать в «Геркулесе», – подумал Константин, подъезжая к дому Наташи. – Такие случаи не редкость, это факт. Клебаничев воспитывал свою дочь строго и вряд ли вообще выделял ей деньги на мелкие расходы. А в таком возрасте девушкам столько всего нужно – косметика, украшения, сумочки, туфельки. Гонорары журналиста не так уж и велики, как может показаться на первый взгляд. Выход один – завести богатого любовника. Где его найти? Ну, если твоя лучшая подруга работает в «Геркулесе», то за чем дело стало? Она тебе и протекцию сделает, и распишет все твои мыслимые и немыслимые достоинства... Стоп, Константин, кажется, ты не о том думаешь, – мысленно приказал себе Панфилов. – Нельзя заранее настраивать себя на эту версию. Может, Светлана была неприхотливой и честной и при одном упоминании о сексе

краснела, как пионерка?..

И все же поговорить с Наташей Третьяковой стоит. Увы, в этом мире не все так чисто и непорочно, как может показаться с первого взгляда. Теперь школьницы хвастаются друг перед другом, кто первой утратил девственность, а в восемнадцать лет остаться невинной считается вообще чуть ли не дурным тоном. Допустим, Светлана Клебаничева работала в «Геркулесе». Обычно хозяева фирмы перед тем, как принимать девушек в штат, изучают всю их подноготную. То, что Светлана – дочь известного генерала, могли знать многие. Те же клиенты, например. Услугами высокооплачиваемых проституток пользуются отнюдь не простые смертные, так что информация о Клебаничевой могла просочиться куда угодно. А кто-то взял, да и воспользовался ситуацией...»

Включив систему охраны и сигнализации своей машины, Панфилов подошел к двери подъезда и нажал кнопку вызова вахтера. Дом на Кутузовском был построен лет тридцать назад и явно предназначался не для простых советских граждан. В нем жили дети бывших партийных шишек, которым квартиры перепали по наследству, и «новые русские», которые приобрели эти хоромы на кровные, «честно» заработанные. В этом высотном доме с тех незапамятных времен сохранился и вахтер, точнее вахтерша – стройная женщина лет сорока пяти, с недоверием посматривавшая на Константина из-за стеклянной перегородки.

– Вы к кому? – строго спросила она.

– В сто сорок пятую, к майору Третьякову, – широко улыбнулся Панфилов.

Несколько секунд вахтерша внимательно разглядывала Константина, затем, поджав губы, открыла дверь.

– Ладно уж, проходите...

Панфилов пересек просторный холл и, оказавшись у широкой двери добротного лифта, нажал на кнопку. Он еще не решил, какие вопросы будет задавать Третьяковой, и не представлял, как девушка вообще отреагирует на вторжение в ее частную жизнь. И хотя в правом кармане Панфилова лежало удостоверение следователя Московской городской прокуратуры на имя Федора Вологжанинова, Наташа вполне могла отказаться от разговора или, того хуже, позвонить в прокуратуру и потребовать объяснений. Впрочем, российские граждане практически не знают своих прав, а небрежно показанное удостоверение в твердой обложке развязывает языки даже самым ярым перестраховщикам. Люди привыкли верить бумажкам, привыкли верить представителям власти, но только не здравому смыслу и собственной интуиции.

Секунды, пока кабина лифта поднималась на пятый этаж, показались Панфилову вечностью. Роль частного детектива порядком угнетала его.

Размышления Константина прервал едва уловимый толчок – кабина остановилась, и двери бесшумно поползли в стороны. Он шагнул вперед и уверенно направился к квартире, в которой проживала Наташа Третьякова и ее некогда

знаменитый дед.

Нажал кнопку звонка и, услышав несколько тактов широко известной мелодии Мендельсона, улыбнулся. Дверь была широкая, стальная, оснащенная новейшей сигнализацией и панорамным «глазком». За такими будут убивать, никто не услышит – полнейшая звукоизоляция.

«Железный занавес», – нехстати подумал Константин и мгновенно подобрался, почувствовав, что из квартиры за ним наблюдают.

– Кто там? – спустя несколько секунд спросил негромкий девичий голос.

– Из прокуратуры, – Константин развернул удостоверение и подsunул его прямо к прозрачному, выпуклому, вытянутому по горизонтали «глазку».

Щелкнули замки, дверь чуть приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулся остренький конопатый носик. Кроме этого характерного носика, отмеченного поцелуем весны, Константин разглядел еще и испуганные зеленые глаза, а также упрямый подбородок, чуть выдающийся вперед.

– Чего вам? – совсем неинтеллигентно спросила девушка.

– Мне нужно поговорить с Натальей Третьяковой.

– Это я. А что, собственно, произошло?

– Может, вы пригласите меня войти? – учтиво предложил Константин. – Или так и будем разговаривать на лестнице?

Неожиданно девушка захлопнула дверь, но только для того, чтобы сбросить цепочку.

Через секунду Константин уже находился в темной, но просторной прихожей, насквозь пропахшей французскими духами «Жадор». Панфилов считал себя поклонником высокого мастерства парижских парфюмеров, но сейчас чарующее сочетание ароматов магнолии, розы, сливы и орхидеи мешало сосредоточиться и, как это ни парадоксально, даже раздражало.

Наташа стояла от него совсем близко – юная, беззащитная, длинноногая. Короткая стрижка делала ее похожей на мальчика. Наверное, среди клиентов «Геркулеса» Третьякова пользовалась бешеным спросом – ведь многие стареющие акулы подпольного бизнеса обожают играть в набоковскую Лолиту.

– Ну и что хотел узнать следователь прокуратуры Вологжанинов? – В голосе Натальи послышалось раздражение.

«Гляди-ка, даже фамилию разглядела!» – поразился Константин.

– Я хочу задать вам несколько вопросов... – уверенно начал он, но так и не закончил эту фразу.

Девушка нетерпеливым жестом убрала со лба челку и нервно перебила его:

– Вопросы? Интересно, с каких это пор прокуратура переключилась на частную жизнь добропорядочных граждан?.. Вы вообще-то в курсе, что здесь проживает бывший майор КГБ?

– Погодите, не суетитесь, – попытался успокоить ее Пан-

филов, догадавшись, что Наташа чего-то смертельно боится.

«Но уж не того, что ее знаменитые предки узнают, кем на самом деле работает их внучка», – с грустью подумал он и, улыбнувшись как можно шире, вслух произнес:

– Поверьте, это не допрос, а частная беседа.

– Знаю я ваши частные беседы, – настороженно буркнула Третьякова.

Константин ждал, что девушка пригласит его пройти в комнату или хотя бы на кухню, но Наташа молчала. Смотрела на него огромными глазищами, не мигая, покусывала нижнюю губу и нервно теребила шелковый халатик.

«Наверное, она очень похожа на своего знаменитого деда, – некстати подумалось Константину. – В ней чувствуется порода. Этот острый конопатый нос, подбородок с характерной ямочкой, глаза, наполненные злостью и... отчаянием...»

– Я хотел поговорить с вами о Светлане Клебаничевой, – мягко произнес Панфилов.

Наташа облегченно вздохнула и мгновенно оживилась. На щеках заиграл румянец, а страх, так уродующий это юное создание, мгновенно улетучился. Она была еще слишком молода, чтобы притворяться, играть, и с ходу выложила на стол свои карты – тьфу ты, слава богу, пронесло!

– А что натворила Светлана Клебаничева? – уже со смехом спросила девушка. – Неужели Светкин отец позволил, чтобы его бесценным сокровищем интересовался следователь? Пусть даже симпатичный, но все же следователь...

Она кокетливо стрельнула глазками и как бы невзначай слегка распахнула полы халатика.

– Все дело в том, что два дня назад Светлана исчезла, – Константин сделал вид, что не заметил этого недвусмысленного жеста профессионалки. – Насколько мне известно, вы ее близкая подруга. Или меня неправильно информировали?

– Нет-нет, все верно, – кивнула Наташа. – Но у меня ее нет, и я не представляю, где Светка может быть... Вообще-то, она всегда играла в послушную девочку, и немного странно, что она до этого времени не объявилась. Вполне возможно, что она влюбилась до беспамятства и убежала со своим избранником на край света. Я давно предупреждала эту наивную дурочку, что рано или поздно это случится, и тогда – прощай, спокойная жизнь! Хотя Светкин папаша торчит на работе круглыми сутками, и, честно говоря, я здорово удивлена, что он вообще заметил отсутствие дочери.

Беспечный тон Третьяковой и ее кокетливые ужимки действовали Константину на нервы. Или эта столичная путана и вправду ничего не знает об исчезновении подруги, или же пытается убедить его в этом. Он старался не смотреть в сторону Третьяковой и по возможности не обращать внимания на ее действия.

– Хорошо, а у вас есть предположения, кто мог стать ее избранником?

– Конечно же, нет. У меня и своих дел по горло, – отрезала Наташа. – И вообще, мы со Светкой уже не так близки, как

раньше.

– Она не одобряет ваш стиль жизни?

Брови Третьяковой удивленно взметнулись вверх.

– А вам-то какая разница, как я живу? – зло спросила она и с противной усмешкой протянула: – Ах да, я совсем забыла, что нашим законникам до всего есть дело! Неужели вам больше нечем заняться, чем ворошить чужое грязное белье? Или история с Клебаничевой только предлог, чтобы заставить меня разоткровенничаться?! Если так, то у вас ничего не выйдет, ясно?

Константину вдруг стало жаль эту непутевую девчонку, которая в своей жизни выбрала путь наименьшего сопротивления. Через несколько лет ее гибкое и податливое тело уже не будет цениться так высоко. На смену Наталье придут новые, молодые путаны, и она останется ни с чем. В лучшем случае выйдет замуж за бизнесмена мелкого пошиба, а в худшем – превратится в вокзальную проститутку. Но сейчас Третьякова этого не понимала, точнее, не хотела верить, что закат ее «трудовой» деятельности не за горами.

– Спасибо за информацию, – как можно галантнее попрощался Константин и шагнул к выходу. – Было приятно познакомиться.

Его слова и особенно интонация немного удивили девушку, но не более. Она вздернула подбородок, поджала губы и открыла дверь.

– Если что, заходите, – слишком уж откровенно предло-

жила Наташа. – Всегда рада помочь.

– Нет уж, спасибо, – наотрез отказался Константин.

Не оборачиваясь, он стал спускаться вниз, решив не пользоваться лифтом. Визит к лучшей подруге Светланы окончился полным провалом. Если Наташа и владела какой-то информацией, то Панфилов не смог заставить девушку ее выложить. Возможно, он зря представился следователем прокуратуры, тем самым сразу настроив Третьякову против себя. Но в противном случае она скорее всего вообще не пустила бы его на порог.

Выйдя из подъезда, Панфилов закурил и присел на скамейку. В воздухе, несмотря на середину августа, пахло осенью. Кроны немногочисленных деревьев уже тронула желтизна, и это вдруг пронзительно напомнило Константину о бренности всего земного – о скором увядании цветов, о смерти этих еще пока свежих и зеленых травинок.

В этот момент, как бы в противовес мыслям Панфилова напротив скамейки остановился темный «Опель». Дверца машины резко распахнулась, из салона неторопливо выбрались двое высоких бритоголовых парней с золотыми цепями на шеях. Вот уж эти точно умирать не собирались, скорее наоборот – собирались жить до глубокой старости, жить и «оттягиваться» на полную катушку. Их широкие лоснящиеся лица горели оптимизмом, отточенные движения были уверенными. Эти парни крепко стояли на земле, так как знали, ради чего появились на свет.

Они прошествовали мимо Панфилова четким, почти военным шагом, смерив его короткими, оценивающими взглядами, и скрылись в подъезде, не встретив никакого сопротивления со стороны вахтерши. Константин успел заметить, что у одного «качка» из-под куртки-ветровки торчала рукоятка пистолета. Вероятнее всего, оба парня были вооружены под завязку, просто второй оказался более аккуратным.

Эта парочка заинтересовала Константина. Чуть позже он понял, что, когда увидел эти садистские рожи, у него просто-напросто сработала интуиция, но в ту самую секунду, когда парни вошли в подъезд, Константин думал разве что о бренности жизни...

Повинуясь внутреннему импульсу, Панфилов встал со скамейки и вместо того, чтобы сесть за руль своей машины и уехать, вновь направился к подъезду. После короткой перепалки вахтерша все-таки впустила Константина в холл. Правда, пришлось покрутить у нее под носом липовым удостоверением следователя, после чего женщина сникла и просто на глазах постарела лет на десять. Наверное, здорово пожалела о своей несдержанности и мысленно поклялась в следующий раз вести себя осторожнее с незнакомыми мужчинами привлекательной наружности.

Еще издали Константин заметил, что оба лифта заняты – горели красные лампочки. Решив не ждать, он помчался на пятый этаж, перепрыгивая через ступеньки. Туда, где жила Наташа.

Панфилов почти не запыхался, добежав до знакомой звуконепроницаемой двери. Резко нажал на звонок и прислушался. Теперь мелодия Мендельсона уже не казалась Константину забавной. Он напряженно ждал, когда же щелкнет замок и на пороге появится Наталья Третьякова с неизменной кривоватой улыбочкой.

Замок не щелкнул, Наталья не появилась, хотя Константин был уверен – девушка все еще находится в квартире. Сопоставив два факта: появление бритоголовых и гробовую тишину за дверью, Панфилов пришел к неутешительному выводу – жизнь Наташи в опасности.

Подергав резную ручку, Константин достал из кобуры револьвер, быстро навинтил глушитель и, целясь в замок, разрядил обойму. Он не ожидал, что это сомнительное предприятие окончится успехом – все-таки дверь была сделана из пуленепробиваемой стали, но через мгновение с удивлением обнаружил, что замок удалось выбить. Проклиная работников фирмы, которая наверняка содрала за установку такого дерьма изрядную сумму, Константин сунул пистолет в карман и ворвался в полутемную прихожую. По инерции он пробежал несколько метров и едва не столкнулся с «качком» из «Опеля».

Бритоголовый был удивлен не меньше Панфилова, однако быстро сориентировался в ситуации – поднял свой огромный кулачище, собираясь рубануть им в лицо. Константин наклонился вперед и, захватив правую ногу противника, с

помощью локтя уложил парня на пол. Не отпуская его бедра, Панфилов молниеносно добрался до ступни бритоголового и вывернул ее наружу. Противник, взыв от адской боли, потерял сознание. В этот момент на горизонте, точнее, в проеме гостиной, показался второй «качок» с пистолетом в вытянутой руке.

– Стоять, сука! Застрелю! – просипел он и щелкнул предохранителем.

Судя по тому, что у парня сел голос, он сильно нервничал. Крутая внешность не соответствовала его внутреннему потенциалу. Да и убивать-то ему, видимо, еще не приходилось.

Он бросил короткий взгляд на своего отключившегося напарника, затем посмотрел на Константина и облизнул губы.

– Ты кто?

– Я? – Панфилов чувствовал, что его противник слаб, но не спешил воспользоваться своим видимым преимуществом.

– Ты! Не я же?!

– Да какая разница? – лениво спросил Константин.

Лицо «качка» исказилось от ярости. Палец на спусковом курке дрогнул, парень уже созрел для убийства. Однако он слишком долго колебался, и Константин, рванувшись вперед, ребром кроссовки нанес противнику свой коронный удар по коленной чашечке. Бритоголовой заорал как резаный и рухнул на пол. Для надежности Константин еще врезал ему по шее ребром ладони.

«Полежи, парень, отдохни!»

Теперь следовало заняться Наташей, и Константин бросился в гостиную, откуда минуту назад появились двое нежеланных гостей.

Девушка лежала поперек дивана и не подавала признаков жизни. Пестрый халатик задрался до пупка, и Константин с удивлением констатировал, что Наталья без трусиков. Ее выпуклый лобок, покрытый рыжеватыми волосиками, мог соблазнить даже покойника, не говоря уже о нормальном, дееспособном мужике. Константин почувствовал, как его ладони стали влажными, и поспешил одернуть халат – это мешало сосредоточиться на главном. Затем он опустился на колени, нащупал пульс и, удостоверившись, что с девушкой все в порядке, вытер ладони о джинсы. Осмотрев Наташу и не заметив никаких серьезных повреждений, кроме синяка под правым глазом, он легонько похлопал ее по щекам. Девушка помотала головой, пробормотала что-то неразборчивое и приоткрыла ресницы.

Увидев перед собой Панфилова, вскочила и, судорожно озираясь, быстро пролепетала:

– А где эти козлы?

– Успокойтесь, все в порядке: они отключились, и, надеюсь, надолго.

Константин погладил девушку по руке и, заметив, что ее тело сотрясает мелкая дрожь, крепко обнял.

Несколько секунд Наташа тупо смотрела прямо перед со-

бой, прижимаясь к Панфилову, а затем обхватила его за шею и заплакала. Сквозь непрерывные всхлипывания Константин смог уловить только бессвязные ругательства и клятвенные заверения, что обращаться в милицию Наташа не собирается. Только после этого Панфилов вспомнил, что девушка по-прежнему считает его следователем прокуратуры. От этой мысли ему стало смешно.

– Не хотите, не обращайтесь, – улыбнулся Константин. – Но если вам нравится, когда вас избивают, ради бога, терпите.

– Мне не нравится, но я не хочу иметь никаких дел с вашей конторой! – безапелляционно заявила Наташа и вдруг резко отстранилась и с негодованием спросила: – Интересно, а как вы попали в мою квартиру?!

– Через дверь. Конечно, я вошел без приглашения, но, как мне показалось, вовремя. Или нет?

Наташа мрачно кивнула.

– Не вы один имеете дурную привычку являться в гости без приглашения. Но, честно говоря, я только приветствую вашу невоспитанность. Если бы не вы, эти сволочи меня бы точно изнасиловали, а потом укололи.

– Интересно узнать – за что?

Наташа хитро прищурилась.

– За что изнасиловали бы? – с иронией уточнила она и профессиональным жестом забросила ногу на ногу, на мгновение оголив свои самые интимные места. Подперла ост-

реньким кулачком подбородок с ямочкой и повела нарисованными бровями. – Вообще-то, я могу и обидеться. Глупый вопрос, товарищ следователь. На вашем месте...

– Ты пока не на моем месте, – отрезал Константин.

Эта самоуверенная соплюшка начинала действовать ему на нервы – еще несколько минут назад она умирала от страха, а теперь откровенно пыталась его соблазнить.

«Выпороть бы ее по голой попке, – подумал Панфилов. – А потом отдать на воспитание деду-чекисту».

Видимо, Наташа обладала редким даром читать чужие мысли. Или просто тонко чувствовала перемену настроения собеседника. Во всяком случае, она мгновенно ощети-нилась, при этом громко фыркнув и втянув голову в плечи.

– Заявление я все равно не напишу! – тоном, не терпящим возражений, проговорила она. – А ваши слова не стану подтверждать даже под угрозой расстрела. Ясно? Спасибо большое, что спасли меня от верной гибели, но, если вы вызовете сюда наряд милиции, не рассчитывайте на меня. Я скажу, что эти свиньи, – девушка покосилась в сторону прихожей, – мои школьные друзья. Мы с ними мирно попивали чай, когда вы ворвались сюда и непонятно по какой причине устроили мордобой. А потом вдруг возжелали меня изнасиловать...

«Этой девчонке палец в рот не клади», – усмехнулся Константин и сказал:

– Поступай как знаешь. Только помни о том, что я сейчас уйду, а ты останешься наедине со своими школьными дру-

зьями.

На лице Наташи появилось замешательство. Она поняла, что сморозила глупость, и принялась судорожно исправлять ситуацию.

– погоди, миленький, – нежным голоском попросила девушка. – Задержись еще на пять минут, ладно? Я только один звонок сделаю. Попрошу Папика прислать своих мальчиков, чтобы они убрали это дерьмо подальше от моих глаз.

В этот момент из прихожей донесся тихий шорох. Наташа испуганно прижалась к Константину, вцепилась в его руку тонкими, наманикюренными пальчиками и вновь задрожала.

– О, боже, – прошептала она, – как я устала...

Легким кивком головы Константин велел Наташе отойти в сторону и, когда девушка послушно выполнила его приказание, легким кошачьим шагом двинулся в прихожую. Чтобы гнетущая тишина не спугнула противников, он громко спросил:

– Думаешь, твой Папа сейчас все бросит и примчится тебе на помощь?

Наташа оказалась весьма смышленной.

Мгновенно поняв правила игры, ответила не дрогнувшим голосом:

– Запросто! Ты не представляешь, какой он прекрасный человек – умный, честный, благородный...

Пока девушка перечисляла достоинства своего благодет-

теля-сутенера, Константин успел преодолеть несколько метров, отделявших его от дверного проема. Он достал револьвер, сдержанно, в три приема перевел дыхание и, готовый к любым неожиданностям, прыгнул в прихожую. И тут же опустил руку с оружием – оба противника все еще лежали на полу и не подавали признаков жизни.

«Неплохо я их припечатал, – мелькнуло у него в голове. – Еще не разучился рассчитывать точность удара».

На всякий случай Константин вытащил из кармана пару наручников и приковал бритоголовых друг к другу. Теперь он был уверен, что в ближайшие тридцать минут эти парни не смогут ему помешать.

– Эй, красавица, все в порядке, – успокаивающе сообщил он, возвращаясь в гостиную.

Наташа и не пыталась скрыть своей радости – широко улыбнулась и бросилась Константину на шею. Он хмуро отстранился, хотя прикосновения девушки и были ему приятны.

– Ладно, хватит телячьих нежностей, – смущенно пробормотал он. – Если не хочешь вызывать милицию, звони своему Папе. Через три минуты я ухожу.

На лице Наташи появилась растерянность. Она подошла к журнальному столику, на котором лежала телефонная трубка, взяла ее, повертела в руках и положила обратно.

– Честно говоря, я не понимаю: почему вы такой добрый? – задумчиво спросила она. – Вы же знаете, что я –

девочка по вызову, а на таких, как я, представители закона обычно смотрят с пренебрежением... Неужели это любовь с первого взгляда?

– К сожалению, я однолюб, – рассмеялся Константин. – В противном случае обязательно предложил бы тебе руку и сердце.

Наташа громко фыркнула и вновь взялась за телефонную трубку.

– погоди, – попросил Константин.

Девушка послушно убрала палец с кнопки включения телефона.

– Ты и вправду не знаешь, куда подевалась Светлана Клебаничева?

Панфилов испытующе посмотрел Наташе в глаза, пытаясь прочесть в них ответ на свой вопрос.

Третьякова покачала головой:

– Нет. Честное слово, не знаю.

– Когда ты видела ее в последний раз? – не сдавался Константин.

На мгновение задумавшись, Наташа проговорила:

– Примерно неделю назад. Она заглянула ко мне часов в девять вечера, хотела о чем-то поговорить. К сожалению, я очень спешила и не могла уделить Светке ни минутки времени. Мы условились, что она заглянет на следующий день, утречком. Но она не пришла... Вот и все.

– Да, негусто, – вынужден был признать Панфилов. –

Честно говоря, я очень надеялся на тебя. Все-таки близкие подруги.

Наталья горько усмехнулась.

– Да какие мы подруги! В школе сидели за одной партой, жили в соседних подъездах, вместе гуляли во дворе – вот и все. Да мы даже и по душам-то никогда не разговаривали. Я не знаю, есть у нее любовник или нет... Хотя в последнее время Светка часто упоминала о каком-то Мите. Она была просто очарована этим парнем – умный, начитанный, интеллигентный, знает в совершенстве три языка. Кажется, она познакомилась с ним на какой-то пресс-конференции. Короче, когда Светка пела про него двадцать четыре часа в сутки, я поняла, что девочку зацепило.

– Этот Митя тоже журналист?

– Не знаю. Скорее всего да, – Наташа наморщила свой прелестный лобик и медленно добавила: – Я, конечно, слушала ее вполуха, у меня ведь и своих проблем до чертиков, но Светка что-то упоминала о частной газете... Да, этот Митя работает в одной частной газете... «Чистый мир», что ли?

– Вы оказали мне неоценимую услугу, – несколько старомодно поблагодарил ее Константин.

Наконец-то он ухватился хоть за какую-то ниточку! Наконец-то нашел человека, который мог знать о Светлане Клебаничевой многое.

Глава 4

О генерале Клебаничеве в стенах Министерства обороны ходило множество легенд, однако ни одна из них не соответствовала действительности. Не только случай помог генералу занять эту престижную должность, но и умение приспособиться к любой, даже самой нестабильной ситуации.

Впервые о Клебаничеве в кремлевских кулуарах заговорили во время августовского путча, когда он наотрез отказался выводить свою танковую часть на улицы столицы. Естественно, такой рискованный шаг не мог остаться незамеченным, и после победы российской демократии афганского героя повысили в звании и приблизили ко «двору». С тех пор карьера генерал-майора Клебаничева круто поползла вверх. И даже излишняя прямота играла ему на руку – некоторые считали его этаким недалеким солдафоном и никогда не брали в расчет. К нему относились с легким пренебрежением, дескать, мужик он, конечно, хороший, но совсем не политик и не искушен в аппаратных играх.

Однако, вопреки укоренившемуся мнению, из всей старой гвардии, которая в свое время сплотилась вокруг Руцкого, выжил один Клебаничев. И не только выжил, но и стал крупной политической фигурой в военной сфере. Проводимая им реформа технического обеспечения армии нашла благосклонный отклик у всех – начиная от главы государства и

оканчивая рядовыми срочной службы.

Никто и не подозревал, что генерал Клебаничев «выбил-ся в люди» по чистой случайности. Судьба повернулась так, что в октябре девяносто третьего он сумел избежать участи своих наставников и покровителей – Руцкого, Хасбулатова и других путчистов второго поколения. В те минуты, когда единомышленники чеченского профессора избирали нового российского президента, Клебаничева схватил острый приступ аппендицита. Генерала пришлось срочно госпитализировать, и о развитии дальнейших событий Клебаничев узнал от весьма словоохотливой медсестры. Узнал и мысленно перекрестился. Он вышел из больницы уже после того, как войска по приказу Ельцина обстреляли Белый дом, а Руцкой уже сидел на Лубянке.

В первое время сослуживцы Клебаничева смотрели на него с недоверием, так как генерал никогда не скрывал своей дружбы с Руцким. Но дружба дружбой, а служба службой. А служил Клебаничев совсем неплохо, точнее, образцово-показательно. Знал о проблемах армии не понаслышке, лично объездил вдоль и поперек военные объекты даже на Крайнем Севере. Его грубоватый юмор и широкая белозубая усмешка не могли не понравиться, и вскоре генерал нашел множество своих почитателей в лице младшего и среднего командного состава Российской армии.

Клебаничев и вправду делал все, что было в его силах – выбивал из государственного бюджета астрономические

суммы на нужды военных, помогал вдовам, ветеранам афганской войны и всем, кто был обижен властью. Правда, среди президентского окружения в то время ходили слухи, что Клебаничева скоро отправят в отставку, но он сам не верил этим слухам. Работал, обивал пороги кремлевских кабинетов, выступал по телевидению с резкой критикой политики по отношению к военным, предлагал укреплять армию не за счет количества, а качества, по западному типу. Короче, стал героем дня. Знакомые журналисты и психологи помогли Клебаничеву создать его собственный имидж, и вскоре генерал сделался любимцем публики. Особенное расположение он снискал у женщин старше сорока и у совсем молоденьких призывников. Никто уже и не вспоминал о дружбе Клебаничева и Руцкого. О ней попросту забыли.

Оставшийся у руля глава государства решил показаться великодушным – не прошло и года, как по его распоряжению всех путчистов выпустили из тюрем. И не только реабилитировали, но и разрешили заниматься политической деятельностью. Так что теперь Клебаничев мог вполне законно баллотироваться хоть в президенты.

Но тут началась чеченская война, и генерал, взвесив все «за» и «против», решил на свой страх и риск пойти против политики, проводимой правительством. И снова оказался в выигрыше, так как в конце концов первая чеченская кампания закончилась полным провалом. Те, кто ратовал за жесткие меры, оказались не у дел, те, кто слишком активно под-

держивал независимость чеченского народа, тоже. И лишь генерал Клебаничев, твердивший долгие месяцы, что позор – посылать на смерть верных сынов Отечества без соответствующей подготовки и экипировки, вновь оказался героем. О его реформе в армии, об этой идефикс, вдруг заговорили все – журналисты, военные, депутаты парламента, члены правительства. А затем и сам президент посчитал нужным встретиться с генералом, чтобы обсудить тонкости перехода военной экономики на новые рельсы.

Короче, генерала Клебаничева можно было смело назвать счастливицом – в пятьдесят два года он имел все: положение в обществе, любимую работу, без которой любой нормальный мужик чувствует себя неполноценным, а также некоторую сумму под реализацию своего проекта.

Но самой большой гордостью генерала была его дочь – молодая, красивая, подающая надежды журналистка. Из принципа Клебаничев никогда не старался помочь Светлане – в университет девушка поступила без всякого блата, да и затем пробивала себе дорогу сама. Этот факт льстил самолюбию генерала, и он частенько сокрушался, что у него нет сына.

«Что дочь, – думал он, – выйдет замуж, поменяет фамилию, и тогда прощай, династия Клебаничевых!»

Подсознательно генерал оберегал дочь от мужчин, потому что больше всего на свете боялся замужества Светланы. Он требовал, чтобы девушка возвращалась домой не позже одиннадцати, чтобы отчитывалась, с кем и где провела ве-

чер. Никогда не брал Свету с собой за город на пикники, куда его коллеги ездили с семьями. Он не баловал девушку дорогими подарками, практически не давал денег на мелкие расходы. Воспитывал в строгости и все время повторял, что если Светлана попадет в беду по своей вине, то он и пальцем не шевельнет, чтобы ей помочь.

Когда дочь не вернулась домой ночевать, генерал особенно не беспокоился. Он давно предчувствовал, что в душе Светланы зреет протест против его жестких методов и рано или поздно дочь сорвется. Клебаничев был уверен, что она назло ему закрутила роман с каким-нибудь сопляком из журналистской братии. Генерал не сомневался, что этот роман скоро закончится и дочь вернется домой. И вот тогда он заставит ее с уважением относиться к отцовским чувствам, припомнит ей все мелкие провинности!

Однако на следующее утро, получив факс от «Ангелов справедливости», Клебаничев пожалел, что не начал искать дочь раньше. Теперь обращаться в ГУВД было опасно, и он на свой страх и риск решил провести самостоятельное расследование, подключив к этому делу своего старого приятеля полковника Кузьмина. Тот, хотя и был загружен работой по горло, отнесся к просьбе друга на удивление серьезно. Он пообещал связаться с самым толковым агентом и поручить ему поиски Светланы. Генерал Клебаничев считал, что, в отличие от остальных ведомств, ФСБ всегда отличалась нестандартным мышлением и умением раздуть из му-

хи слона. Но в данный момент это оказалось на руку Клебаничеву, и он не стал возражать.

Когда же полковник Кузьмин погиб, генерал понял: проблема действительно гораздо серьезнее, чем казалось на первый взгляд. Теперь Клебаничев догадался, что полковник согласился помочь ему не только потому, что они пили «на брудершафт». Скорее всего пропажа его дочери и «Ангелы справедливости» каким-то образом переплетались с делом, расследованием которого уже занималась ФСБ.

И Клебаничев запаниковал. Он чувствовал себя лисом, затерявшимся в подземном лабиринте, из которого нет безопасного выхода. Генерал понимал – Светлану вернут ему лишь тогда, когда он сообщит похитителям какую-то ценную информацию либо окажет иную весомую услугу. Он был готов пойти на любые условия, но сомневался, что преступники станут играть с ним по-честному и, вероятнее всего, в конце концов убьют его дочь...

Лишь встреча с Жиганом немного успокоила павшего духом генерала. Тот заразил Клебаничева своей уверенностью, силой, неким внутренним потенциалом. После встречи с ним генерал вдруг стал замечать, что лето подходит к концу, что на улицах столицы множество красивых женщин, покрытых средиземноморским загаром. Его мысли потекли в несколько ином направлении, и Клебаничев подумал, что давно не заглядывал к Ангелине.

С Ангелиной Довгелло генерал познакомился в частной

клинике профессора Карена Оганесяна, где Ангелина лечила какие-то женские болячки. В этой же клинике Марии, жене Клебаничева, сделали сложнейшую операцию, которая, увы, не помогла, а лишь продлила мучения несчастной на несколько долгих недель. У жены генерала был рак матки, причем в тяжелой форме. Клебаничев потратил уйму денег на дорогостоящие швейцарские лекарства, на маститых российских профессоров, на клинику, один день пребывания в которой равнялся его месячной зарплате, и все без толку.

Но зато в этой модной клинике он познакомился с Ангелиной, красавицей женой одного из советников литовского посольства. Клебаничев не сразу смог оценить по достоинству эту женщину, говорившую по-русски с легким, но характерным прибалтийским акцентом. Лишь спустя год он понял – ради этой встречи стоило выложить не одну тысячу долларов.

А встретились они совершенно случайно. В тот день генерал, как обычно, ровно в восемь вечера приехал навестить жену. Он уже давно смирился с мыслью, что Мария вскоре покинет его. Как ни странно, но этот факт особенно не печалил генерала. Клебаничев никогда особенно не любил жену и даже не уважал, потому что при всей ее образованности Мария была довольно-таки тяжелым и деспотичным человеком. Все совместно прожитые годы она и ее родственники попрекали Клебаничева тем, что он якобы женился на ней по расчету. Это было правдой, но только наполовину.

Через неделю после того, как Клебаничева познакомили с Марией, ее отца назначили министром легкой промышленности. Естественно, это сыграло немаловажную роль, когда Клебаничеву, выпускнику танкового училища, пришлось выбирать себе невесту. Он три года встречался со смешливой продавщицей Галкой и уже всерьез подумывал о женитьбе. Галка была классной девочкой, высокая, красивая, легкая в общении. На ее фоне Мария выглядела холодной, как медуза. Поразмыслив, Клебаничев остановил свой выбор на Марии, в глубине души надеясь, что новоиспеченный министр поможет молоденькому лейтенанту продвинуться по службе. Клебаничев особенно не скрывал, что женился на Марии ради карьеры. Он даже гордился своей позицией. Однако тесть оказался настолько принципиальным, что пальцем не пошевелил ради счастья единственной дочери. И утонченной Марии пришлось бросить консерваторию, чтобы отправиться вслед за мужем в таджикские степи.

У них не было детей ровно десять лет. Это могло послужить веской причиной для развода. Тем более что отца Марии вскоре перевели на другую, менее престижную работу, а затем и вовсе отправили на заслуженный отдых. Но Клебаничев ни разу не попрекнул свою жену и, что самое парадоксальное, изменил ей только дважды. Возможно, повстречай он Ангелину в те годы, его жизнь повернулась бы по-иному. Но в Таджикистане на фоне оплывших от жары и безделья жен прапорщиков и офицеров Мария выгодно выделя-

лась своей образованностью и утонченностью. И Клебаничев продолжал плыть по течению.

Когда родилась Светланка, он был вне себя от счастья, хотя ждал сына. Впервые увидев крошечное, сморщенное лицо своей дочурки, едва не задохнулся от жалости к этому несмышленому существу – его плоти и крови, его частичке. Узнав о долгожданном рождении внучки, родители Марии тут же примчались в часть, навезли кучу подарков и обещали сделать все возможное, чтобы вытащить Клебаничева из этой грязной дыры. Через полгода его перевели в Рязанскую область, где он прослужил семь лет.

Когда он подал рапорт о переводе в Афганистан, где уже шла война, многие из близких друзей посчитали его сумасшедшим. А тестя вообще хватил инфаркт. Лишь Мария восприняла эту новость вполне нормально. Она тут же вместе со Светланкой перебралась в Москву к родителям, устроилась преподавательницей в музыкальную школу и чувствовала себя вполне комфортно. Мария любила деньги, а офицерам, служившим в Афгане, платили неплохо...

«А вот Ангелина к деньгам почти равнодушна, – вдруг подумал генерал. – Нет, она, конечно, любит шикарные, дорогие вещи, но не чувствует в них острой необходимости: есть – есть, а нет – ну и ладно... Она могла бы жить на острове Боко-дель-Торо, питаться одними кокосами и бананами и, как участники телешоу «Последний герой», сутки напролет смотреть на небо. И была бы счастлива, пожалуй, только в

том случае, если бы оказалась на необитаемом острове одна... Нетипичное поведение для слабой половины человечества».

Именно ее равнодушие и заинтриговало в свое время генерала Клебаничева. Он увидел ее в холле клиники в тот самый момент, когда Ангелина прощалась со своим мужем. Она спокойно поцеловала его в щеку и помахала тонкой изящной ручкой. В движениях этой женщины было столько грации, что Клебаничев даже приостановился. Ему вдруг нестерпимо захотелось подарить букет роз, который он нес Марии, этой высокой шатенке с огромными серыми глазами. Генерал узнал советника, с которым был знаком лишь визуально, и решил навести справки о женщине, которую тот навещал.

Собрать информацию об Ангелине Довгелло оказалось проще простого. Эту красотку скандинавского типа особенно обожали фоторепортеры. Всякий раз в колонке светской хроники в каком-нибудь «Мегаполисе» или «Караване историй» они помещали фото Ангелины с очередного дипломатического приема или с открытия выставки. Вся Москва восхищалась ее задумчивыми глазами и шикарными туалетами, привезенными из Парижа.

Ангелина вышла замуж десять лет назад. Как ни странно, она сохранила свою девичью фамилию. Может быть, потому, что ее предки были белорусско-литовского княжеского рода? Или по какой-то другой веской причине? Клебаничев

с недоверием относился к женщинам, которые отказывались брать фамилию мужа. Он считал это плохим тоном и признаком глубочайшего неуважения к супругу. Но, узнав Ангелину поближе, коренным образом изменил свое мнение на этот счет.

После окончания Академии художеств Ангелина получила диплом художника-керамиста. К сожалению, она почти не занималась керамикой, хотя ее студенческие работы оценивались критиками очень высоко. Ангелина коренным образом поменяла профиль – стала заниматься живописью и даже провела персональную выставку в галерее у Андрея Терцева. Искусствоведы отозвались о новом витке ее творчества весьма прохладно, да и то, как подозревал Клебаничев, только из уважения к советнику литовского посольства. Была бы Ангелина простой смертной, на нее вылили бы ушат грязи – слабо, неоригинально, неуверенно и прочее.

Внимательно изучив биографию Ангелины и узнав, что эта женщина при любом удобном случае наставляет мужу рога, Клебаничев не потерял к ней интереса. Каждый раз, навещая Марию в клинике, он надеялся вновь встретить прекрасную литовку, и однажды ему повезло. Генерал как раз выходил из кабинета профессора Оганесяна и буквально в дверях столкнулся с Ангелиной. Минуту назад профессор сказал генералу, что к смерти Марии нужно готовиться в любой момент. Видимо, эта новость отразилась на лице Клебаничева, так как он поймал на себе сочувствующий взгляд

Ангелины.

– Что, плохие известия? – первой заговорила она.

Клебаничев кивнул.

– Не переживайте, – Ангелина ободряюще улыбнулась. – Главное, не отчаиваться и надеяться на лучшее.

– Надеяться не на что, – признался генерал. – Профессор сказал, что мою жену уже нельзя спасти. У нее рак. Метастазы проникли столь глубоко, что операция не помогла...

– Что ж, если наш профессор так сказал, значит, это правда. В конце концов, все мы смертны и рано или поздно все там будем.

Слова женщины, а точнее интонация, с какой она произнесла эту фразу, немного покоробили генерала. Однако сама Ангелина ничуть не смутилась. Судя по всему, она вообще не поняла, что сморозила глупость.

– Ну, я, пожалуй, пойду, – пробормотал генерал, хотя уходить из приемной профессора совсем не хотелось.

– Да-да, – равнодушно кивнула Ангелина. – Всего хорошего.

– И вам того же... Вы, наверное, уже выписываетесь?

– Да. Сегодня.

– А мы ведь так и не познакомились, – неожиданно даже для самого себя выпалил генерал. – Меня зовут Игорь Петрович Клебаничев.

Женщина протянула тонкую, изящную руку.

– Ангелина.

Клебаничев неловко прикоснулся губами к прохладной ладони, пахнувшей французскими духами «Фиджи».

– Очень приятно.

– И мне... – Ангелина чуть насмешливо улыбнулась и неожиданно призналась: – А ведь я давно наблюдаю за вами. У вас хорошее, фактурное лицо.

– Как это «фактурное»? – растерялся генерал.

– Ну, проще говоря, вы – очень интересный типаж. Мужчина моей мечты... Как насчет того, чтобы попозировать для портрета?

– Так вы художник-профессионал? – неумело удивился Клебаничев, хотя давно знал об этом.

Женщина махнула рукой и улыбнулась:

– Ну, вообще-то, профессиональной художницей меня можно назвать с большой натяжкой. Я не зарабатываю деньги своими работами, а делаю их скорее для себя... Ну так как, придете ко мне в мастерскую?

– Ничего не имею против: называйте место, назначайте время.

Ангелина явно не ожидала, что Клебаничев примет ее предложение. Она удивленно вскинула брови и несколько секунд задумчиво изучала его лицо.

– Вы не шутите? – наконец уточнила она.

– Нет.

– Тогда давайте встретимся в воскресенье у меня в мастерской. Часов в десять.

– Вечера?

– Нет, утра. Я не люблю работать при электрическом свете.

– Договорились.

Уточнив и записав адрес мастерской, генерал расстался с прекрасной шатенкой и в приподнятом настроении направился в палату, где лежала его умирающая жена...

В мастерскую к Ангелине он собирался, как на свое первое свидание – постригся в модной парикмахерской на Тверской, тщательно побрился, оделся в лучший костюм, купленный в Англии, и воспользовался одеколоном «Тамериск» с ярко выраженным восточным букетом ароматов. Светлана сделала вид, что ничего не заметила. Во всяком случае, она ничего не сказала по поводу более чем странного поведения отца.

Ангелина встретила Клебаничева с легкой улыбкой на губах. Она была одета в широкое индийское сари, на ногах – плетеные сандалии. Длинные волосы были собраны в пучок и удерживались замысловатой заколкой. Спокойно приняла из рук смущенного генерала бутылку вина и не преминула заметить:

– О, я люблю «Токайское»! Оно напоминает мне о юности...

Ангелина вела себя так естественно, словно они знали друг друга уже очень много лет.

Усадив генерала справа от окна, отступила на несколько

шагов и оценивающе оглядела Клебаничева с ног до головы.

– Ну как я, гожусь для вашего образа? – смущенно поинтересовался тот. – Или нет?

– Еще как годитесь! – улыбнулась Ангелина и решительно заявила: – Ну что ж, приступим!

Она вытащила на середину комнаты мольберт, водрузила на него обтянутый бумагой планшет, вооружилась цилиндром сангины и принялась широкими штрихами набрасывать портрет генерала.

Она работала молча, сосредоточив все свое внимание на рисунке. Лишь несколько раз предлагала прерваться, чтобы попить кофе. Генерал не любил кофе, но отказаться не решился.

Несколько часов пролетели незаметно. Во время сеанса Клебаничев исподволь и с интересом наблюдал за Ангелиной, за ее уверенными движениями, красивыми, изогнутыми бровями, тонкой линией носа.

Когда женщина решительно сняла с мольберта планшет и отставила его в сторону, генерал даже вздохнул с сожалением.

– Что, уже все? – удивленно спросил он.

– Да. На сегодня хватит. Давайте пить «Токайское».

Клебаничев разлил вино по бокалам, поднял свой и произнес короткий тост:

– Ну, за ваши творческие успехи!

Женщина улыбнулась и медленно покачала головой:

– Нет, Игорь Петрович, за свои творческие успехи я пить не буду.

– Почему?

– Да потому, что я уже давно не творческий человек, – вздохнула Ангелина. – Я умерла как художник, я это чувствую...

Генерал не нашелся, что возразить. Он вообще не разбирался в психологии людей, занимающихся искусством, и считал, что все эти муки, терзания и сомнения не что иное, как желание покрасоваться перед теми, кто обделен талантом. Но откровения Ангелины Клебаничев слушал с удвоенным вниманием. Во-первых, женщина ему очень нравилась. Во-вторых, он давно мечтал окунуться в мир богемы, узнать, чем живут и дышат эти люди.

– Вот ваше лицо вдохновило меня на создание портрета, – с воодушевлением продолжила Ангелина. – Увидев вас, я почувствовала, что способна создать шедевр. Но взяла в руки сангину, сделала несколько штрихов и поняла – нет, не дотягиваю. Не получается...

– Жаль, конечно.

Клебаничеву страшно хотелось посмотреть на собственный портрет, который вдруг стал центром повышенного внимания, но так и не решился попросить Ангелину показать рисунок.

А женщина пила «Токайское», рассказывала о творческих терзаниях и планах на будущее. Ее глаза заблестели, губы

стали влажными, дыхание участилось. Вскоре генерал перестал следить за нитью разговора. Он с вождением поглядывал на стройные ноги Ангелины, на ее красивую, округлую грудь, пышные формы которой не могла скрыть даже довольно плотная ткань. Но Клебаничев никак не решался сделать первый шаг, хотя чувствовал, что и женщина не прочь поразвлечься. Он почему-то хотел, чтобы инициатором интимных отношений стала сама Ангелина.

А красавица литовка не спешила. Видимо, ей нравилось наблюдать за тем, как мужчина теряет из-за нее голову. Ангелина взяла бокал двумя пальцами, провела кончиком языка по стеклянному ободку, затем облизнула губы и сделала небольшой глоток. Вино пролилось на подбородок, тонкие струйки сбежали на длинную, белоснежную шею. Генерал, словно очарованный, наблюдал блестяще сыгранную эротическую сцену. На мгновение ему показалось, что все происходит во сне и стоит ему пошевелиться, стоит сдвинуться с места хоть на миллиметр, как вся эта изысканная эротика рассыплется на кусочки.

Ангелина тем временем нажала на кнопку музыкального центра и медленно, очень медленно стала раздеваться. Вначале сняла сандалии, затем трусики, потом распустила волосы. Повернувшись к генералу спиной, она приподняла край сари, оголив крепкие ягодицы, затем чуть подалась вперед, дав возможность Клебаничеву рассмотреть соблазнительные прелести. Генерал осторожно протянул руку и погладил Ан-

гелину по бедрам, покрытым золотистым пушком...

Клебаничев придерживался твердого мнения, что женщина желанна до тех пор, пока мужчина не затащит ее в постель. Он надеялся, что интимная близость с Ангелиной удовлетворит его животные инстинкты и он, натешившись, почувствует к литовке отвращение. Но этого, как ни странно, не произошло. После того безумного утра Клебаничев привязался к жене советника еще сильнее. Когда умерла Мария, он даже предложил Ангелине выйти за него замуж. У художницы хватило ума отказаться, и генерал здорово обиделся. Как же, им пренебрегли! Лишь поразмыслив, Клебаничев понял, что Ангелина, как всегда, оказалась более дальновидной, чем он сам. Ведь их брак положил бы начало краху его карьеры.

Ангелина была хороша тем, что никогда не пыталась завладеть мужчиной целиком. Но и сама не могла принадлежать только одному человеку. Казалось, ей вообще наплевать на свою репутацию – она могла изменять мужу где угодно и с кем угодно, и самое парадоксальное, никто не считал себя обиженным. Чуть погодя, когда страсти немного поухли, Клебаничев понял, чем его притягивала Ангелина. Ей нравилось заниматься сексом, и она никогда не скрывала этого. Ангелина получала от интимных отношений нечто большее, чем просто плотское удовлетворение. Она черпала в мужчинах энергию для творчества, высасывала из них все соки, топтала их, делала похожими на аборигенов...

Мысли о молодой любовнице заставили сердце биться сильнее, и Клебаничев вдруг решил немедленно позвонить Ангелине. Он вытащил из «бардачка» сотовый телефон и набрал номер мастерской. Через минуту в трубке послышался знакомый голос с характерным акцентом.

– Алло?

– Привет, солнышко, – поздоровался генерал. – Как ты относишься к тому, если я заеду к тебе прямо сейчас?

– Сейчас? – с сомнением уточнила Ангелина.

– Ты не одна?

– Нет-нет, все в порядке, приезжай.

В трубке послышались короткие гудки, и Клебаничев в сердцах швырнул трубку на соседнее сиденье. Он понял, что у Ангелины случился очередной приступ одиночества и она, не теряя времени даром, нашла генералу замену.

«Стоит только выпустить женщину из рук, начать уделять ей меньше внимания, и она тут же тебя предаст», – с горечью подумал он.

Через полчаса Клебаничев остановил машину у дома, в котором размещалась мастерская Ангелины. Прихватив с собой телефон, выбрался из салона и вошел в подъезд. На лифте поднялся на третий этаж и позвонил в нужную дверь. Ангелина открыла почти сразу, словно ждала генерала в прихожей.

– Привет, – весело поздоровалась она, отступая назад. – Что-то вы меня совсем забыли, Игорь Петрович.

Несмотря на интимные отношения, Ангелина продолжала называть Клебаничева по имени и отчеству, и это раздражало генерала. Ему казалось, что таким уважительным обращением Ангелина как бы подчеркивает значительную разницу в возрасте – дескать, не забывайте, Игорь Петрович, что вы намного старше!

Он тяжело переступил порог прихожей и попытался обнять женщину. Ангелина отстранилась и несколько секунд изучающе смотрела на Клебаничева. Этот взгляд всегда будоражил его воображение, возбуждал, но теперь ничего подобного не произошло. Словно почувствовав это, Ангелина опустила глаза и поправила волосы.

– У тебя неприятности? – вдруг спросила она.

Чуть помедлив, генерал кивнул.

– Да.

– Что-нибудь дома?

Неожиданно Клебаничеву захотелось рассказать Ангелине все про дочь, а затем уткнуться лицом в мягкое, белое тело любовницы, прикоснуться губами к коричневым соскам, вдохнуть в себя ее молодую энергию...

– Нет, дома все нормально, – соврал он. – На работе кое-какие проблемы, но тебя это не должно волновать.

Ангелина прошла в комнату и остановилась у окна. Клебаничев вошел вслед за ней, прикрыл дверь и, шагнув к женщине, обнял ее за плечи. Он сделал это чисто машинально, только потому, что всегда поступал именно так.

Генерал был уверен: неприятности с дочерью существенно отразятся на его мужских способностях, но через минуту с удивлением почувствовал, как его охватывает давно забытое волнение, как сжимается сердце, как дрожат руки. Клебаничев глянул Ангелине в глаза, пытаясь отыскать там ответное желание, но не увидел в глазах ничего, кроме равнодушия.

– Ты меня больше не любишь? – прерывисто зашептал он.

– Люблю.

– Я не ощущаю этого...

Ангелина отстранилась от Клебаничева, обеими руками взялась за подол платья и потянула вверх, обнажив соблазнительное тело.

«Полчаса назад она трахалась здесь с другим мужиком, – неожиданно подумал генерал. – Даже не успела натянуть трусики... Вот стерва!»

Но мысли о сопернике не расхолаживали, а, наоборот, возбуждали. Он протянул руку и осторожно прикоснулся к округлой, белой груди. Пальцем провел по животу, на мгновение представив, что совсем недавно тот, другой, проделывал с Ангелиной то же самое – так же нежно касался ее тела, ласкал соски, гладил волосы на лобке. Женщина, ничуть не стесняясь своей наготы, подошла к открытому окну и задернула шторы. Затем скользнула ладонями по своим крепким, точеным бедрам и опустилась в кресло, бесстыдно раскинув ноги.

– Ну, иди ко мне, иди, – охрипшим шепотом позвала она. – Раздевайся... Хотя нет, погоди, я сама тебя раздену...

Больше часа они занимались любовью без перерыва. Клебаничев чувствовал себя молодым, сильным, словно его жилы напитались свежей кровью. А еще совсем недавно он полагал, что уже окончательно истратился, и смиренно ждал своей старости. Он и любил Ангелину за то, что она заставляла его забыть о своем возрасте.

– Ты – прелестна и не можешь сравниться ни с одной бабой, – признался Клебаничев, когда они, насытившись друг другом, курили длинные, ментоловые сигареты Ангелины.

Женщина глубоко затагнулась и кивнула:

– Я знаю.

– Наверное, тебе это говорили многие?

Ангелина пожалала обнаженными плечами и равнодушно согласилась:

– Многие.

– Признайся, перед моими приходом у тебя кто-то был?

Клебаничев надеялся, что Ангелина хотя бы из чувства приличия начнет убеждать его в обратном, но женщина ответила:

– Был.

– И кто же он, твой новый любовник? – продолжал допытываться генерал. – Наверное, молодой и красивый?

– Молодой и красивый, – насмешливо парировала Ангелина.

– Наверное, какой-нибудь «новый русский»?

– Да, у него есть машина. И деньги, кажется, тоже...

Клебаничев натужно рассмеялся.

– Ну вот, время старых генералов прошло, – нарочито бодро подвел он итог. – Теперь в почете молодые толстосумы и перспективные политики?

Ангелина блеснула глазами и поправила волосы.

– Послушайте, Игорь Петрович, может, хватит?

Затем она умолкла и долго, прищурясь, смотрела на профиль Клебаничева. Потом вздохнула и чуть злым голосом сказала:

– Больше никогда не устраивай мне допрос. Я тебе не жена и не обязана отчитываться за каждый шаг. Ясно?

Генерал не на шутку испугался, что сейчас Ангелина встанет и вышвырнет его из мастерской. Однако женщина продолжала молча курить, пуская сизые кольца дыма, которые медленно ползли к потолку.

– Хочешь выпить? – вдруг спросила она.

– Нет, я за рулем, – наотрез отказался Клебаничев.

– Раньше ты никогда не обращал внимания на такие мелочи! – насмешливо отозвалась Ангелина.

– Раньше и ты мне не изменяла!

Женщина громко расхохоталась:

– Все когда-нибудь делается в первый раз.

Клебаничев растерялся – Ангелина впервые разговаривала с ним таким пренебрежительным тоном. Судя по всему,

она искала повод для ссоры.

«Неужели я и вправду ей надоел? – подумал он. – Нет, не может быть. Ведь несколько минут назад все было, как всегда, – жаркие объятия, заверения в вечной любви, страсть... Тогда почему она призналась мне, что спит с другим мужчиной? Могла бы и соврать...»

Все еще не веря своим предположениям, генерал приподнялся на локте и заглянул в лицо Ангелины. И прочитал в глазах женщины ответ на свой вопрос. Обычно Клебаничев не мог определить настроение любовницы по ее взгляду, а уж тем более планы на будущее, но на этот раз понял – он переступил порог мастерской в последний раз.

Генерал тяжело поднялся и принялся медленно одеваться. Он ждал, что Ангелина остановит его, но женщина молчала. В тот самый момент, когда Клебаничев натянул брюки, задрезал телефон.

Ангелина лениво потянулась и ответила на звонок. Затем, недоуменно нахмурившись, протянула трубку генералу:

– Это тебя...

– Меня? – удивился тот, но тем не менее взял трубку: –

Слушаю.

– Игорь Петрович? – Голос звонившего был нежным, как бархат.

– Да, это я.

– Хочу сообщить вам, что со Светланой все в порядке.

Вам, как отцу, это, наверное, интересно?

Рука генерала, сжимавшая телефон, дернулась.

– Ах, это вы, – растерянно выдохнул он. – Чего вы хотите?

– О, вы понимаете меня с полуслова, – обрадованно заверещал звонивший, и тут же его голос приобрел деловитость и напористость: – Я не хочу оговаривать условия по телефону. Это небезопасно. Я свяжусь с вами в ближайшие несколько часов.

Генерал нажал кнопку отбоя и вдруг понял, что его жизнь кардинально изменилась. Это чувство заброшенности, страх из-за внезапно пришедшей мысли – а вдруг я никогда больше не увижу Светлану, нервы, натянутые, как струны... А ведь еще совсем недавно Клебаничев жил, не зная сомнений: у него была дочь, работа, шикарная любовница.

Но теперь все это рассыпалось на глазах. Генерал опустил коротко стриженную голову и тяжело вздохнул.

Глава 5

Редакция газеты «Чистый мир» занимала первый этаж шестиэтажного дома в Пожарном переулке. Константину не составило труда отыскать редакцию – он заранее просмотрел компакт-диск с картой Москвы, где имелись адреса всех изданий, государственных и негосударственных. Гораздо сложнее было найти Митю, который, если верить словам Натальи Третьяковой, был последним увлечением пропавшей дочери генерала.

«Умный, начитанный, интеллигентный, знает три языка», – вот и все, что было известно Панфилову.

С одной стороны, не так уж и мало, ведь далеко не все журналисты солидных изданий владели в совершенстве даже русским. Но могло оказаться и так, что в этой коммерческой газете все сотрудники, штатные и внештатные, были вундеркиндами, начитанными и образованными пай-мальчиками.

Перед тем как заняться поисками Мити, Константин купил в киоске газету «Чистый мир» и бегло просмотрел ее. На каждой странице, в каждой публикации красной нитью проходила основная тема – борьба за экологию, борьба любыми средствами! Этакий Гринпис в российском варианте. В общем-то, Панфилов не имел ничего против Гринписа. Он даже уважал эту организацию, но слишком уж надуманными и истеричными показались ему статьи журналистов «Чисто-

го мира». Читая их рассуждения по поводу несчастных морских котиков, купающихся в нефти, создавалось впечатление, что эти бравые парни и девушки со звучными псевдонимами, типа Артем Северный или Настя Жемчужная, никогда не носили курток из натуральной кожи и с пеленок стали вегетарианцами.

Бросив газету на соседнее сиденье, Панфилов несколько минут понаблюдал за входом в подъезд дома, где на первом этаже размещалась редакция, и не увидел ничего интересного. За это время из него вышли всего двое – статная старуха с огромным зонтиком и юный паренек, при взгляде на которого ни один гомик не смог бы остаться равнодушным. Они не могли быть работниками газеты, и Константин подумал, что зря теряет время. Он выбрался из салона, включил сигнализацию, нажав на кнопку брелка, и решительным шагом направился к подъезду. Свой армейский «кольт» Панфилов оставил в «бардачке» машины, решив, что борцы за экологию вряд ли одобряют ношение огнестрельного оружия.

Он толкнул тяжелую дверь с латунной ручкой, удивляясь, почему не работает кодовый замок – все-таки редакция, а тут заходи кому не лень. Поднялся по ступенькам и, увидев на лестничной площадке высокого паренька с кобурой на поясе и сигаретой в зубах, понял, что поспешил с выводами – «Чистый мир» охраняли не хуже, чем коммерческий банк.

Охранник оглядел Константина с ног до головы профессиональным взглядом и, убедившись, что незнакомец не во-

оружен, равнодушно отвернулся.

– Привет, – поздоровался Константин и, вытряхнув из пачки «Кэмела» сигарету, жестом попросил прикурить.

Охранник щелкнул зажигалкой и поинтересовался:

– В редакцию?

– Да, – кивнул Панфилов.

– Небось материальчик принесли?

Константин неопределенно хмыкнул, что могло означить и «да» и «нет».

– Что ж, материальчик – дело хорошее, – согласился охранник. – С материалами у них туговато.

– А что так?

– Гонорары маленькие. Теперь никто не желает работать за бесплатно.

Константин рассеянно кивнул, напряженно размышляя, как бы потактичнее узнать у охранника про дружка Светланы Клебаничевой.

– Не подскажешь, как мне найти Митю? – наконец спросил он.

– Победушкина, что ли? Вроде на месте. Я не видел, чтобы он выходил. Разве что через окно, – охранник громко расхохотался собственной шутке.

Панфилов бросил недокуренную сигарету в мусорку и решительно взялся за ручку двери.

– Ладно, пойду, побазарю с Митяней.

– Иди, – в голосе охранника послышалось сожаление. Он

явно скучал на своей отнюдь не пыльной работе и был не прочь чуток поболтать.

Комната, куда через секунду попал Панфилов, была просторной, с тремя столами, на которых громоздилась самая современная техника – компьютеры, факсы, автоответчики, модемы. Несмотря на это изобилие, создавалось впечатление, что здесь можно заниматься чем угодно, но только не работой. Возможно, потому, что все помещение было наполнено сигаретным дымом, в котором явственно ощущался сладковатый привкус марихуаны. Не помогал даже вентилятор, работающий на полную катушку. Здесь курили все – тощая, затянутая в джинсовый сарафан девица с лошадиным лицом; молодой паренек, постриженный так коротко, словно только вчера вернулся из не столь отдаленных мест, и еще две юные лесбиянки, тесно прижимавшиеся друг к другу. Свою принадлежность к сексуальным меньшинствам девицы демонстрировали не только поглаживанием друг друга по бедрам, но красовавшимися на груди значками с вполне конкретной символикой.

«Тоже мне, дуэт «Тату», – иронично подумал Константин. – «Нас не догонят...» Да кому вы нужны? Ни ковбоем Джо, ни мальчику-гею!»

Как только Константин переступил порог, все мгновенно замолчали и уставились на него с неприкрытым любопытством. Решив, что стриженный паренек и есть тот самый Митя, так как в комнате не наблюдалось других особей мужско-

го пола, Константин обратился прямо к нему:

– Добрый день. Вы могли бы уделить мне минуту внимания?

– А что такое? – петушиным голосом уточнил стриженный.

Панфилову не понравился слишком уж откровенный взгляд одной из юных лесбиянок, но он приказал себе не обращать внимания на такие мелочи.

– Мне нужно переговорить с вами наедине, – пояснил Константин, интонацией выделив последнее слово.

– В чем дело? – возмутился парень. – И кто вы, собственно, такой?! Почему я должен вообще разговаривать с вами? Тем более наедине? У меня материал горит!

– Оторвитесь на минуту от своего монитора и уделите мне ровно полчаса вашего драгоценного времени, – в голосе Константина послышались металлические нотки.

– Пардон, на каком основании?

Девицы молчали, продолжая курить травку и делая вид, что происходящее их вообще не касается. Константин почувствовал, как в нем закипает раздражение против этих самодовольных, уверенных в своей безнаказанности журналист. Шагнув вперед, Панфилов схватил стриженного за шиворот и выдернул его из-за стола. От неожиданности тот даже не попытался сопротивляться, а лишь побледнел, как бумага, и выронил из ослабевших пальцев сигарету.

– Послушайте, Митя, давайте не будем валять дурака, – как можно вежливее попросил Константин. – А поговорим

нормально, как интеллигентные люди...

Стриженный протяжно взвыл и нервно задергал конечностями. Он силился что-то сказать, но неудобное положение мешало ему выразить свои мысли предельно ясно.

Среди девиц вдруг начался самый настоящий переполох. Лесбиянки возмущенно зашептались, а «красавица», зятая в джинсовый сарафан, начала отчаянно вопить, пытаюсь привлечь внимание охранника.

В этот момент из-за шкафа донесся шум, и на середину комнаты выбежал молодой парень с длинными льняными волосами, собранными сзади на манер конского хвоста. На его вытянутом лице выделялись высокий лоб и большие глаза с поволокой. Если бы не крупное родимое пятно на правой щеке, парня смело можно было бы назвать красавчиком.

– Что за шум, а драки нет?! – раздраженно спросил он и, увидев, в каком недвусмысленном положении оказался его коллега, испустил нервный смешок. Затем длинноволосый оторопело посмотрел на Панфилова и глубокомысленно изрек: – Ага, кажется, наших бьют...

– Митяй, этот кретин принял меня за тебя, – прохрипел стриженный. – Так что имей в виду, тебя ожидает та же участь. А мне за моральный и физический ущерб положена надбавка.

Теперь настала очередь Панфилова смущенно покраснеть. Он отпустил воротник стриженного и повернулся к парню с родимым пятном.

– Простите, я, кажется, ошибся, – как можно доброжелательнее проговорил он. – Мне сказали, что Митя Победушкин работает в этом кабинете.

– Да, работает, – зло отрезал длинноволосый. – Разрешите представиться – Дмитрий Победушкин, заместитель главного редактора. С кем имею честь?

Проигнорировав вопрос, Константин шагнул к Мите и негромко поинтересовался:

– Я могу поговорить с вами наедине?

– Если это «наезд», то вы ошиблись адресом. «Чистый мир» – коммерческое издание, но мы не располагаем огромными суммами. И если вы немедленно не закроете дверь с обратной стороны, то я вызову охрану и милицию.

– Это не «наезд», – ответил Константин, – и на вашем месте я не слишком торопился бы звонить в милицию. Все-таки мы не в Амстердаме, а в Москве, и прибывшая по вызову опергруппа может поинтересоваться, почему в редакции присутствует явственный запах марихуаны?

Митя нервно покосился на девицу с лошадиным лицом, затем перевел взгляд на стриженного и тяжело вздохнул.

– Давайте выйдем в коридор, – спокойно попросил Константин, уверенный, что Митя не посмеет послушаться, и первым направился к двери.

Он слышал за своей спиной легкие шаги Мити и думал о том, что этот парень ему чем-то симпатичен. Победушкин произвел на Панфилова впечатление человека, который не

полагается на случай, а действует осторожно и осмотрительно.

На лестничной площадке было пусто, даже охранник куда-то ушел. Лишь огромная муха громко жужжала и билась в окно. Константин вытряхнул из пачки сигарету и предложил Мите. Тот наотрез отказался.

– Спасибо, но я не курю, – он натянуто улыбнулся и пояснил: – Бросил два года назад, и с тех пор ни разу...

Начать разговор оказалось гораздо труднее, чем Константин предполагал. По идее он должен был задавать какие-то вопросы, выслушивать ответы и вообще вытянуть из Мити как можно больше информации. Возможно, Наталья Третьякова была права, и Светлана просто ушла из дома, а Митя именно тот человек, который приютил ее на неопределенное время. Но вместо этого Панфилов молча курил сигарету и рассматривал цементные плитки пола. Он оттягивал начало разговора, потому что журналист ему нравился, и Константину очень не хотелось, чтобы Митя оказался замешанным в историю с похищением.

Первым не выдержал Победушкин.

– Ну и по какому вопросу вы хотели со мной побеседовать? – Он растянул губы в приветливой улыбке, но в его холодных глазах блеснуло недоверие.

– Я хочу поговорить с вами о Светлане Клебаничевой, – ответил Константин. – Когда вы видели ее в последний раз?

– Простите, не расслышал, о ком? – с умным видом пере-

спросил Митя.

Даже дураку стало бы понятно, что он переигрывает, а Панфилов с его колоссальным опытом сразу определил – Победушкин увяз в этой истории по самые уши. Ведь гораздо проще было бы ответить: «давно» и не пытаться изображать из себя творческую личность, витающую в облаках.

– Как давно вы видели Светлану Клебаничеву? – терпеливо повторил Константин. – Если хотите, я напому вам, о какой конкретно девушке идет речь. Она, как и вы, журналистка. Несколько месяцев вполне успешно сотрудничала с вашим изданием. Так что вы, как заместитель главного редактора, не могли не знать ее.

– Кажется, что-то припоминаю, – неуверенно протянул Митя. – Мы познакомились на одной из конференций. Я пригласил ее выпить кофе... Знаете, а она оказалась не только симпатичной, но и умной, что бывает крайне редко. Поговорив со Светланой с полчаса, предложил ей сделать парочку репортажей для нашей газеты, она согласилась. Я обозначил тему, а через неделю она принесла мне несколько статей. Вот и все.

– Все?

– Да, кажется... Хотя нет, постойте! Неделю назад я встретил Свету в баре Дома журналистов. Я угостил ее шампанским, как раз получил гонорар, мы посидели, поболтали, я проводил ее домой.

– Значит, вы видели ее всего три раза в жизни: на конфе-

ренции, затем в редакции и в Доме журналиста? – уточнил Константин.

– Да!

Это «да» прозвучало слишком твердо, и Панфилов понял, что Митя врет. Он, конечно, мог вытрясти из журналиста правду прямо здесь, на лестничной площадке. Мог, но не хотел – слишком много свидетелей находилось в соседней комнате.

– Между прочим, вы так и не представились, – наконец-то опомнился Митя. – Кто вы, откуда и почему вас так интересует судьба Светланы?

«Хороший вопрос, – усмехнулся Панфилов. – Но не стоит вмешивать сюда ФСБ. Это не тот случай. Да и на удостоверение следователя из прокуратуры Победушкин вряд ли прореагирует должным образом. Независимая пресса очень болезненно относится к представителям органов власти».

И тогда Константин принял единственно правильное на его взгляд решение – напрочь проигнорировал вопрос Мити, словно и не слышал его, и перешел в наступление:

– А вы знаете, что Светлана пропала?

Митя, мгновенно позабыв о своем интересе, смешался и побледнел. Однако достаточно быстро сумел перебороть неуверенность и начал задавать подходящие ситуации вопросы. И даже делать вид, что взволнован судьбой малознакомой девушки.

– Как пропала? Когда?

– Два дня назад.

– Ага, значит, вы из милиции и занимаетесь ее поисками? – уточнил Митя.

– Не совсем так... Я занимаюсь ее поисками частным образом, по просьбе отца Светланы. Вы в курсе, что он работает в Министерстве обороны?

Теперь недоумение Мити было вполне искренним.

– Конечно, нет. Откуда я мог знать? – Его глаза воровато забегали, бледность сменилась легким румянцем, а руки вдруг принялись теревить воротник рубашки. – Значит, вон оно что! Ее отец – генерал Клебаничев?.. А я-то думал, что это простое совпадение фамилий...

– Существует предположение, что исчезновение Светланы напрямую связано с работой ее отца. Вы понимаете, что я имею в виду?

– Да, понимаю, – Митя сглотнул комок. – Хотите сказать, что ее похитили?.. Но это абсурд, честное слово, абсурд!

– У меня несколько иное мнение на этот счет.

Митя отрицательно покачал головой и закусил верхнюю губу.

– По-моему, вы ошибаетесь, – упрямо заявил он. – Кто-то ввел вас в заблуждение!

– Если вы знаете, где Светлана, то советую рассказать все начистоту. В противном случае за последствия не ручаюсь.

Митя презрительно скривился и высокомерно произнес:

– Откуда мне знать?

Он вел себя абсолютно не так, как подобает профессионалу – любой журналист, услышав такую важную новость, как похищение дочери генерала, первым делом бросился бы в редакцию, чтобы застолбить место для сенсации. А затем помчался бы в Министерство обороны, чтобы поподробнее разузнать все о генерале Клебаничеве. Судя по отзывам, Победушкин был неплохим журналистом, но он не сделал ни единой попытки сдвинуться с места.

Вывод напрашивался сам собой – Митя имел к исчезновению Светланы самое непосредственное отношение. Он знал, где она, и смертельно боялся прокола. Он был плохим актером, поэтому все время болтал только одни глупости. Вместо того, чтобы сделать вид, будто он поверил в версию Константина, парень стал оправдываться, юлить, задавать ненужные вопросы. Терпение Панфилова лопнуло в тот момент, когда Митя в пятый раз рассказал историю про Дом журналиста и шампанское. У Константина возникло желание тут же наброситься на Победушкина и вцепиться ему в глотку. Но здравый смысл и беспристрастная оценка ситуации заставили его предпринять последнюю попытку.

– Послушай, парень, – все еще мирно проговорил он. – Давай договоримся по-хорошему – ты рассказываешь мне, где сейчас Светлана Клебаничева, а я оставляю тебя в покое.

Митя громко рассмеялся. Он вновь обрел утраченное ранее равновесие, а вместе с этим привычный для него надменный тон.

– Я устал повторять вам одно и то же: я не знаю, где эта девушка!

«Такой стойкости можно позавидовать, – раздраженно подумал Панфилов. – Но ничего, красавчик, я заставлю тебя расколоться».

– Послушай, сволочь, – он сгреб воротник рубашки Мити и притянул его к себе, – хватит валять дурака. Неужели ты все еще не понял, что я не настроен шутить?..

И чтобы журналист осознал всю серьезность его намерений, Константин указательным пальцем нащупал сонную артерию и слегка надавил на нее. В глазах Мити появился страх, его красивый рот полуоткрылся, обнажив ровные, белые зубы, кадык нервно запрыгал, а поблескивающая от пота физиономия стала серой.

– Кто вы такой? – прохрипел он.

– Мне ничего не стоит убить тебя, а ты, судя по всему, боишься этого. Но прежде, чем ты умрешь, тебе предстоит пройти через все круги ада. Ты никогда не задумывался над тем, какую боль испытывает человек, когда ему медленно, очень медленно начинают ломать пальцы?.. – Константин вполсилы сжал запястье левой руки журналиста.

Митя испуганно ойкнул, а его лицо исказилось от нестерпимой боли.

– Да, я знаю, где она... знаю... – пробормотал он.

– Ну так что же мешает тебе сделать чистосердечное признание?

– Она просила не говорить. Очень просила... Ну, я и молчал...

Этот неожиданный поворот событий заставил Константи́на чуть ослабить хватку:

– Выходит, она добровольно ушла из дома?

– Да. Ее никто не принуждал к этому.

– Почему Светлана не сообщила отцу?

Митя отвел взгляд в сторону:

– Это долгая история...

– Ты уверен, что со Светланой все в порядке? И что там, где она находится, ей не угрожает опасность?

Журналист судорожно кивнул. Несколько долгих секунд они смотрели друг на друга, затем Панфилов отпустил воротник рубашки журналиста.

«Он не врет. Это видно невооруженным глазом... Но тогда получается, что вся эта паника вокруг «Ангелов справедливости» не стоит и выеденного яйца. Что ж, дело можно сдавать в архив. Осталось уточнить кое-какие детали, а затем позвонить генералу и сообщить ему о местонахождении дочери».

Константи́н даже обрадовался, что эта история наконец-то закончилась. Он дружески похлопал Митю по плечу и предложил:

– Давай поговорим на нейтральной территории, например, в каком-нибудь кафе. Возьмем по чашечке кофе, покурим... Ах, совсем забыл, что у тебя нет зависимости от ни-

котина! Ты мне расскажешь все о Светлане Клебаничевой, а затем мы разбежимся в разные стороны. Обещаю, что не выдам тебя генералу. Ведь ему важен конечный результат, разве не так? Так что не волнуйся, твоя репутация честного журналиста не пострадает. Ну, как, ты согласен? Вижу, что согласен. Тогда где?

– Здесь неподалеку, за углом, есть бар, – разжал губы журналист.

– Ладно, – не стал спорить Константин. – Бар так бар.

Он видел, что Митя подавлен, точнее, испуган и именно поэтому готов выложить все как на духу. Его поведение показалось Константину по меньшей мере странным – если со Светланой все в полном порядке, чего опасается журналист? Подумаешь, капризная генеральская дочь, решив проучить своего слишком уж строгого папашу, на время «ушла в подполье»! А он, известный журналист, знал об этом.

«Черт побери, а если Митя тот самый человек, который решил шантажировать генерала? Светлана убежала из дома, а он, зная это, не преминул воспользоваться удобным моментом? Пока девушка где-то отсиживается, он сообщает Клебаничеву, что его дочь похищена. Естественно, подписывается дурацким псевдонимом – «Ангелы справедливости». Генерал в панике и ради возвращения любимой дочери готов на все. Тогда понятно, почему Митя трясется как липка. Он смертельно боится, что я узнаю о его коварных замыслах. Но ничего, никуда он от меня не денется – расколется как

миленький... – и тут Константин понял, что ход его рассуждений неверен, и мысленно приказал себе: – Стоп, Панфилов, не заводишь. Не делай поспешных выводов! Ты сам-то веришь, что этот парень мог пойти на шантаж? Нет, не веришь, то-то и оно. Помни, от тебя требуется только одно. вернуть домой девчонку. Передать генералу из рук в руки, а там пусть сами разбираются».

– Я жду тебя в баре через десять минут, – сообщил он бледному, как факсовая бумага, Мите. Повернулся и направился к выходу.

Выйдя из подъезда, Константин скользнул равнодушным взглядом по-своему «БМВ», решив не садиться за руль. От бара, где он собирался побеседовать с Митей, Панфилова отделяло не больше ста метров.

Свернув за угол, он сразу заметил это унылое заведение, в котором уютно чувствовать себя могли разве что отпетые алкоголики. Впрочем, внутри бар оказался гораздо приличнее, чем снаружи. Чисто вымытый пол, пластиковые столики и такие же стулья, с правой стороны – стойка бара, за которой возвышался огромный дитина с бычьей шеей. В зале почти не было посетителей, только парочка пожилых мужчин с красными, пропитыми лицами. Они сидели в дальнем углу и не обратили на Константина никакого внимания, продолжая молча цедить свое пиво из высоких одноразовых стаканов.

– У вас есть кофе? – спросил Панфилов, подходя к стойке. Бармен равнодушно кивнул:

– «Нескафе» растворимый.

– Двойной, пожалуйста.

Через пару минут Константин получил свой заказ. Кофе оказался невкусным и холодным. Ко всему прочему, с двойной порцией сахара. Конечно, Константин мог устроить скандал по этому поводу, но разбирательство со скучающим барменом никак не входило в его планы. Поэтому он молча выпил предложенный напиток и заказал вторую порцию, мягко намекнув на недостатки приготовления.

Бармен оказался понятливым и учел все замечания. Вторая порция получилась гораздо более приемлемой для употребления. На этот раз Панфилов решил выпить свой кофе за столиком, а заодно обдумать предстоящий разговор с Митей. К сожалению, самое лучшее место, откуда просматривался вход в зал, уже было занято. Столик заняли двое подвыпивших мужчин вполне презентабельной наружности. Константину пришлось примоститься рядом, за соседним столиком.

Пока Панфилов цедил свой кофе, соседи бурно обсуждали какое-то важное происшествие. Вначале Константин вообще не прислушивался к их разговору, но с каждой новой порцией пива голоса мужчин становились все громче и возмущеннее, и теперь все, включая бармена и официанток, стали невольными слушателями небольшой лекции на тему секса.

– Представляешь, Васек, какая сука эта Верка! – захлебыв-

ваясь собственной слюной, верещал высокий красавец шатен с маленькими чаплинскими усиками. – Заразила меня трепаком! Что я своей благоверной теперь скажу? Она же каждую ночь требует от меня выполнения супружеского долга!

Собеседник шатена, маленький, юркий, как ящерица, мужичок лет тридцати пяти, притворно вздохнул:

– Трепак, говоришь? Ну, это, братан, ничего страшного. Сейчас знаешь сколько всяких лекарств. Были бы бабки! Вот со мной история приключилась, это да-а-а...

– Ну-ка, ну-ка, расскажи, – потребовал красавчик. Он мгновенно оживился, в затуманенных глазах появились проблески интереса, а губы искривились в сочувственной усмешке. Видимо, чужие беды отвлекали его от собственных проблем.

Васек был явно польщен повышенным вниманием к собственной персоне. То, что смазливая официантка наострила ушки и совсем забросила свои профессиональные обязанности, только подлило масла в огонь. Васек самодовольно крикнул, набрал в легкие побольше воздуха, сделал большие глаза и громким шепотом начал:

– Собрались мы с мужиками как-то в общаге. Я тогда со своей Маринкой был в разводе, ночевал где придется. А в тот вечер приютил меня старый дружок, Игорешка, может, знаешь?

– Не-а, – покачал головой шатен. – Не знаю.

– Как не знаешь? Он в роддоме работает!

– Акушером, что ли? – В голосе шатена послышалась заинтересованность.

– Да не акушером! – обиделся за приятеля Василий. – А этим, как его... Черт, забыл, как называется. Короче, младенцев осматривает.

– Педиатр?!

– Да сам ты педиатр! Его как-то по-другому называют... Ну да бог с ним. Главное, приютил он меня у себя в общаге на несколько недель. Ну я, как полагается, купил пузырь, закусь. Ну, чтоб замочить новоселье. Игореша помог мне стол накрыть. Сели, выпили по одной, а тут Петька подвалил, из соседней комнаты. У него жена смылась к родителям, и он решил тряхнуть стариной – погулять с друзьями. Естественно, приперся не с пустыми руками. Короче, выпили мы первую, вторую начали, и вижу, заскучали мои парни. Да и самому как-то не по себе. Чего-то не хватает... Мы и музыку послушали, и телик посмотрели, а тоска никуда не уходит. И тут до меня дошло, отчего на сердце грусть-тоска: баб рядышком нету, вот отчего. Сказал мужикам, они признали, что я прав. Но где возьмешь этих баб в два часа ночи? Не на улицу же выходить да шалав снимать? И тут я вспомнил, что на пятом этаже живет одна повариха. Трахаться любит, просто страсть! И, что самое главное, никому не отказывает! Помню, лет пять назад мы с ней так зажигали. Правда, с тех пор столько воды утекло...

На лице Василия появилось блаженное выражение. Видимо, вспомнились жаркие ночки, страстные объятия поварихи и ее вкусные «ссобойки» из столовой.

– Ну, и что дальше? – нетерпеливо спросил шатен.

– А дальше я решил прозондировать почву у Игорька – где сейчас эта повариха? Думал, может, замуж вышла? Или уехала куда? Оказалось, что живет моя Тонька в той же комнате, на том же пятом этаже и по-прежнему мужиков страсть как любит. Ну, думаю, пойду, попытаю счастьем. Пошел, приняла меня Тонька по высшему разряду, управился я с ней за пять минут...

– За пять минут? – разочарованно протянул шатен. – Так быстро?!

Васек смущенно потупился и ударился в пространные объяснения.

– Да, ладно, – махнул рукой его дружок. – Что ты краснешь, как девица? С кем не бывает? Рассказывай дальше.

– А дальше больше – за мной к Тоньке на пятый этаж поплелся Игорек. У него эстафету перенял Петька. Между прочим, больше пяти минут там никто не задерживался... Короче, допили мы второй пузырь и, удовлетворенные, завалились спать. На следующее утро я, как полагается, отправился на стройку...

– А ты где сейчас работаешь? – перебил шатен.

– Там же где и раньше – на стройке, – в голосе Василия послышались раздраженные нотки – он был явно недово-

лен, что ровную нить повествования перебивают ненужными вопросами. – Так вот, вышел я на работу, чувствую, чего-то мне не по себе. Будто у меня лишай в паху вскочил. Чешусь, сил нет. Еле до вечера дотерпел, прибежал в общагу, хотел с Игорешей посоветоваться, все-таки он какой-никакой, да доктор. Смотрю, лежит мой доктор на диване и мирно так почесывает свои яйца. Никогда не замечал за ним такой привычки, а тут руку из штанов не выпускает. Я ему так и так, рассказал про свои симптомы. Он говорит – все, братан, хана, подцепили мы с тобой мандавошек. Беги, говорит, к Петьке. Если и он чухается, значит, во всем виновата Тонька. Я пулей к Петьке, и тот онанирует. Мат стоит на всю комнату. Рассказал я ему, что почему, а он хай поднял: жена завтра приезжает, что я ей скажу?! И так разозлился на Тоньку-повариху, что предложил ей отомстить. Я согласился, Игореша тоже. Пошли мы к этой стерве в комнату, схватили ее за волосы, выволокли на крышу. Раздели, к стулу привязали, и Петька ее дихлофосом облил с ног до головы, чтоб больше никого не заражала! А ты говоришь, трепак... Тут иногда в такие истории влипаешь, что не знаешь потом, как отмыться.

Константин Панфилов с трудом сдержался, чтобы вслух не высказать все, что он думает по этому поводу. История Василия оказала на него странное воздействие – в какой-то момент Панфилову почудилось, что его с головой окунули в дерьмо. Константина с детства приучили к тому, что к

прекрасному полу надо относиться с уважением и оберегать женщин от всевозможных проблем. Всю свою сознательную жизнь он свято придерживался этого незыблемого правила и был твердо уверен в том, что на скользкий путь проституции женщин толкают чрезвычайные обстоятельства. А эти самые обстоятельства создает не кто-нибудь, а сами мужчины. Но в истории, рассказанной Василием, его поразило другое – неприкрытый цинизм повествователя и его уверенность в собственной правоте.

«Как можно брать на себя ответственность вершить правосудие? – подумал Константин, искоса поглядывая на раскрасневшегося от пива соседа. – Тем более когда ты сам не святой... Ладно, это меня не должно волновать. У меня своих проблем хватает. Черт, куда же запропастился этот чертов журналист?»

Оговоренные десять минут давно истекли, а Митя словно сквозь землю провалился. Константин уже всерьез пожалел о том, что не затащил журналиста в бар сразу же. Видимо, за это время Митя успел пораскинуть мозгами, проанализировать факты и решил вообще не являться на встречу.

«Я тебя все равно достану, идиот безмозглый, – незло подумал Панфилов, вставая из-за столика. – Прямо сейчас пойду в редакцию и не стану особенно церемониться».

Он вышел из бара и сразу почувствовал невероятное облегчение. Возможно, потому, что избавился от неприятного общества сексуально озабоченного прораба и его дружка.

Но через несколько минут Константину предстояло «плавно» влиться в еще одну, не менее неприятную компашку, в которой считается нормой среди белого дня курить марихуану и открыто демонстрировать свои сексуальные наклонности.

Еще издали Константин заметил, что у подъезда редакции собралась приличная толпа народу. Люди стояли плотным кольцом, и пробиться сквозь эту живую стену было практически невозможно. Чуть поодаль находились милицейская машина и «Скорая помощь». Двое дюжих санитаров упаковывали в пластиковый мешок нечто похожее на труп. Во всяком случае, с раненым человеком они обращались бы куда более бережно.

От неприятного предчувствия засосало под ложечкой, и Константин ускорил шаг. Оказавшись рядом с любопытными наблюдателями, он осторожно поинтересовался у старичка с яркой семитской внешностью:

– Что тут такое, папаша?

Старичок стрельнул по сторонам живыми выпуклыми глазками и ответил:

– Кошмар, что делается – среди белого дня человека застрелили!

– Кого?

– Журналиста. Работал в газете «Чистый мир».

Почему-то Константин сразу подумал, что убили Митю, и от этой мысли ему стало не по себе.

«Теперь понятно, почему он не пришел в бар», – пронеслось в голове.

– Когда это произошло? – Панфилов с неудовлетворением отметил, что задал этот вопрос слишком казенно.

Однако старичок, судя по всему, любитель поговорить, охотно ответил:

– Минут двадцать назад.

– Удивительно, как быстро приехала милиция, – вмешалась в разговор пожилая тетка с крупным красным лицом. От нее здорово разило дешевым вином, чесноком и чем-то вроде тухлой рыбы.

Константин, не удержавшись, поморщился. Старичок, перехватив его взгляд, сочувствующе улыбнулся.

– Давайте отойдем в сторону, – предложил он и, не дожидаясь согласия Константина, быстро засеменял к скамейке у соседнего подъезда.

Панфилову не оставалось ничего другого, как последовать за ним. Он на ходу достал из кармана пачку «Кэмела», вытряс сигарету и щелкнул зажигалкой. Присев рядом со старичком, глубоко затянулся и сразу почувствовал себя гораздо лучше. Константин курил нечасто, только в тех случаях, когда ему было или слишком хорошо, или совсем плохо.

– Да, мир катится в пропасть, – задумчиво протянул старый еврей и громко высморкался в полинявший платок. – Раньше все было по-другому, а теперь страшно заходить в собственный подъезд. Я раньше считал себя обеспеченным

человеком, а теперь еле-еле свожу концы с концами. Жду очередной пенсии как манны небесной, а получив деньги, не знаю, что на них можно купить. Моя бедная Мириам умерла десять лет назад, и слава богу, что она не дожидаясь сегоднешнего дня.

Панфилову стало жалко этого старого, обездоленного человека, который, судя по всему, был лишен нормального общения. Но, как это ни прискорбно, Константин решил сыграть на слабости старика, на его желании пооткровенничать даже с малознакомым человеком.

– Да, жить стало тяжело, – согласно кивнул он и как бы между прочим спросил: – Вы, наверное, видели, как убили этого беднягу?

– Честно говоря, я сам не видел, но соседка Соня с пятого этажа как раз устроила грандиозную стирку...

На несколько минут старичок углубился в рассказ о своей замечательной соседке.

Константин не перебивал его, по опыту зная, что людям подобного типа необходимо дать возможность выговориться и поделиться своими бедами. Лишь после многословного лирического отступления старик заговорил по существу:

– Так вот, моя соседка Соня вывешивала белье на балконе и перегнулась через перила как раз тогда, когда этот парень, ну которого убили, выходил из подъезда. Соня сразу заметила, что рядом с домом стоит чужая машина, а на лавочке сидят чужие люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.